

ШТЕФАН БОЛЛИНГЕР

НЕМЕЦКАЯ РУСОФОБИЯ

и её причины

Штефан Боллингер

**Немецкая русофобия и её
причины. Хотят ли русские войны?**

«Автор»

2024

Боллингер Ш.

Немецкая русофобия и её причины. Хотят ли русские войны? / Ш. Боллингер — «Автор», 2024

Мы являемся свидетелями того, как в обществе развивается русофобия, напоминающая о временах разгара Холодной войны. Тогда во всём был виноват «русский», сейчас - Путин и его Империя. Откуда берётся эта иррациональная антипатия, более того: с какой целью её насаждают? Почему СМИ единодушно трубят о «злейшем враге» на Востоке? Политолог Штефан Боллингер взялся исследовать историю русско-немецких отношений. В своём историко-политическом исследовании он показывает, что и в прежние времена в этих отношениях случались взлёты и падения. Освещая наиболее интересные аспекты этого вопроса и характерные для него взаимосвязи, он раскрывает, что конфликт с русскими, неважно, на каком уровне и в какой сфере, вредит всем его сторонам, и не в последнюю очередь тем, кто считает необходимым этот конфликт инициировать. Автор призывает, с одной стороны, к переменам в отношениях с Россией, а с другой - к определению чёткой политической позиции, в том числе с учётом мнения мирных сил в Германии.

© Боллингер Ш., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Вместо предисловия: Кровопролитное нападение	5
Глава 1. Затрагивает ли немцев русский вопрос?	11
Антикоммунизм – антисоветизм – русофобия	13
Европейское равновесие Бисмарка от Санкт-Петербурга до Берлина	16
Чувства, опасения, интересы	20
Русские – не освободители? Политическая история как поле боя	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Штефан Боллингер

Немецкая русофобия и её причины. Хотят ли русские войны?

Вместо предисловия: Кровопролитное нападение

Раннее утро 22 июня 1941 года, новая германско-советская граница близ Бреста. С востока к советскому пограничному посту приближается грузовой поезд, везущий товары для Германии. После быстрого оформления документов поезд пересекает границу. Москва аккуратно выполняла свои договорные обязательства по отношению к соседу. И хотя слухи о войне разносились уже не первый день, 14 июня ТАСС – советское государственное информационное агентство и рупор советского правительства – заявило:

«1. Германия не предъявляла СССР никаких претензий [...], ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места.

2. Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз [...] происходящая переброска германских войск в восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям.

3. СССР соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении [...] слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, не имеют под собой оснований.

4. Проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью [...] обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, [...] ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо»¹.

Москва подчёркивала, что обе стороны находятся в нормальных отношениях и соблюдают условия договора. Пакт о ненападении и связанные с ним документы, с точки зрения Советского Союза, служили гарантом мира. Возможно, это было иллюзией, поскольку и признаки нападения, и предупреждения со стороны имели место, но московские руководители, в первую очередь И. В. Сталин, ничего не хотели об этом слышать. Возможно, это было следствием провокации со стороны Великобритании и существовавшего предположения о том, что собственная разведка, в том числе выдающийся разведчик Рихард Зорге, может распространять ложную информацию. В Кремле знали о неизбежности войны, но не думали, что она случится этим летом. В Берлине же заявление Москвы никого не впечатлило. Здесь всё уже давно было решено.

11 июня, за три дня до отчаянной попытки Москвы всё-таки предотвратить войну, в ставке фюрера уже разрабатывали директиву №32, касающуюся «подготовки к периоду после осуществления плана „Барбаросса”». «После разгрома вооружённых сил советской России Германия и Италия будут господствовать в военном отношении на всем Европейском континенте, исключая временно Пиренейский полуостров. Какой-либо серьёзной угрозы с суши для европейской территории уже не будет существовать [...]»².

¹ Документ 260: Сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года о германско-советских отношениях. Цит. по: Kurt Pätzold/Günter Rosenfeld (Hrsg.): Sowjetstern und Hakenkreuz 1938 bis 1941. Dokumente zu den deutschsowjetischen Beziehungen. Berlin 1990, С. 334. [Здесь и в других цитатах по умолчанию исправлены очевидные орфографические ошибки и используются новые правила немецкой орфографии.]

² Документ 32: Фюрер и верховный главнокомандующий вермахта: Директива №32. Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса». 11.6.41. Цит. по: Walther Hubatsch: Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939-1945. Dokumente

Эти дерзкие и неразумные предположения о том, что русский колосс якобы расколется, как глиняный горшок, позволили разрабатывать планы продолжения войны с Британской империей и дальнейшего стремительного раздела мира. «Исходя из обстановки, которая должна сложиться в результате победоносного завершения похода на Восток, перед вооружёнными силами могут быть поставлены на конец осени 1941 и зиму 1941–1942 г. следующие стратегические задачи:

1.) Освоение, охрана и экономическое использование завоёванного пространства на Востоке при полном содействии вооружённых сил.

Какие силы потребуются для несения охраны на русской территории, точно определить можно лишь позднее. По всей вероятности, для выполнения дальнейших задач на Востоке будет достаточно 60 дивизий и одной воздушной армии наряду с силами союзных и дружественных стран.

2.) Продолжение борьбы против английских позиций на Средиземном море и на Ближнем Востоке путём концентрического наступления, которое планируется провести из Ливии через Египет, из Болгарии через Турцию, а также, в зависимости от обстановки, из Закавказья через Иран»³. Далее в документе подробно расписана смертоносная последовательность действий.

Намеченным утром немецкие пикирующие бомбардировщики Юнкеры-87 «Штука», уже не раз внушавшие страх в ходе предшествовавших военных действий, обрушились на советские аэродромы. Бомбардировщики фирм «Дорнье» и «Хенкель» также сбрасывали свой смертоносный груз на аэродромы, районы скопления войск, казармы и приграничные советские города. Этот день для многих советских солдат и мирных жителей был таким же, как и для командира бригады Кирилла Москаленко: «Телефонный звонок поднял меня с постели. Схватив трубку, я услышал взволнованный голос Потапова [командующий армией, в которую входила бригада Москаленко – Шт. Б.]: фашисты напали на нас, ведут артиллерийский обстрел войск на границе, бомбят аэродромы и города. Без промедления я позвонил в лагерь своему заместителю по политической части батальонному комиссару Н. П. Земцову и приказал объявить боевую тревогу, а сам быстро оделся и с адъютантом и водителем выскочил во двор, где стояла машина.

Было раннее тихое утро. Едва мы выехали на улицу, как тишину взорвали частые выстрелы. Мы слышали их до тех пор, пока не выехали из города. Для нас это были первые выстрелы войны.

Как вскоре выяснилось, огонь вели украинские и польские националисты, враждебно настроенные против нас, и засланные немецко-фашистским командованием диверсанты. [...] Наша машина проскочила город и выехала на шоссе на дорогу.

Проезжая мимо аэродрома, мы увидели, что его бомбят около тридцати немецких бомбардировщиков. Ни один наш самолет не поднялся в воздух, часть из них горела на земле. Мы проскочили мимо аэродрома и прибыли в лагерь, к зданию, где размещался штаб. Я поднялся на второй этаж и забежал в комнату, в которой жил Н. П. Земцов. Он улыбнулся мне, спросил:

– Что, маневры начались? То-то слышу взрывы и стрельбу, но бригада в них ведь не принимает участия.

Я резко ответил:

– Какие к чёрту маневры! Война! Немцы напали на нас. Слышишь, бомбят аэродром?»⁴.

Именно таким образом, нападая внезапно, фашисты уже почти два года успешно нанесли удары по всей Европе. Но стоит заметить, что эта война с самого первого дня отличалась

des Oberkommandos der Wehrmacht. Utting o.J. (2000), С. 129.

³ Там же, С. 130.

⁴ Kirill S. Moskalenko: In der Südwestrichtung. Berlin 1975, С. 32.

от большинства предыдущих кампаний. Задача войны на Востоке, содержащаяся в утверждённом Гитлером 18 декабря 1940 года плане «Барбаросса», была указана ясно: «Вооружённые силы Германии должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании ещё до того, как будет закончена война против Англии (План «Барбаросса»). [...] Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они ещё не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15 мая 1941 г.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны»⁵. Стратегическая цель этого нападения была недвусмысленно сформулирована фюрером и верховным главнокомандующим вермахта Адольфом Гитлером: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в западной части России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путём быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налёты на территорию Германского рейха. Конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской части России по общей линии Волга-Архангельск. Таким образом в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у России на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации»⁶.

Казалось, все предсказания Гитлера как главы Германского, а точнее уже Великогерманского рейха сбылись в полной мере. Ведь ещё 3 февраля 1933 года, всего через неделю после того, как консервативные элиты передали власть немецким фашистам, фюрер представил генералам рейхсвера программу своей внешней и военной политики: «Я установил себе срок в 6–8 лет для полного искоренения марксизма. После этого сухопутные войска смогут вести активную внешнюю политику, и задача расширения жизненного пространства немецкого народа будет решена, в том числе, с оружием в руках – целью, вероятно, будет Восток. Но германизация населения аннексированных, а точнее захваченных стран невозможна. Можно германизировать только землю. Нужно поступить как Польша и Франция [Гитлер ссылается на перемещение населения на территории, статус которых после Первой мировой войны определялся проведением плебисцита – Шт. Б.] – после войны безжалостно выслать миллионы людей»⁷.

Фюрер развязал войну не просто желая уничтожить "мировое еврейство", расширить "жизненное пространство" на Востоке и напустить идеологического тумана из соображений расширения торговых возможностей страны. Помимо этого, он слишком глубоко увяз в конфликте, который даже консервативные авторы, к примеру Эрнст Нольте, характеризуют как мировую или европейскую гражданскую войну⁸. Гитлер в этой войне был фигурой первого

⁵ Документ 21: Фюрер и верховный главнокомандующий вермахта: Директива № 21. План «Барбаросса». 18.12.40. Цит. по: Walther Hubatsch: Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939-1945. Там же., С. 84.

⁶ Там же, С. 85.

⁷ Документ: [Адольф Гитлер:] Речь приведена в соответствии с копией документа, составленного коммунистической разведкой. Касается программы фашизма. Цит. по: Andreas Wirsching: »Man kann nur Boden germanisieren«. Новый источник, в котором приводится речь Гитлера перед военачальниками рейхсвера 3 февраля 1933 года. В: Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, Тетрадь 3/2001, С. 547.

⁸ См. в том числе: Ernst Nolte: Der Faschismus in seiner Epoche. Die Action française. Der italienische Faschismus. Der Nationalsozialismus. München-Zürich 1979, 5. Нольте чётко обозначил линии фронта в 20 веке и в итоге стал выдающимся новатором теории тоталитаризма, приписывающей и фашизму, и коммунизму равную степень вины в трагических событиях этого века. Классовую борьбу и расовую борьбу он ставит на одну ступень, сравнивает убийство евреев с другими массовыми убийствами. Подвергая неминуемой критике сталинизм с его преступлениями и, главным образом, с его претензиями на социалистическое переустройство общества, он ставит его в один ряд с уничтожающим народы фашизмом. Во второй половине 80-х годов, ещё в старой ФРГ, это вызвало сильное сопротивление со стороны либеральных и левых историков, мейнстрима, выразившееся в «Споре историков». После ликвидации ГДР, и распада Советского Союза, тезисы Нольте со временем, пусть и более умеренной, соответствующей принципу историзма форме, стали в конце концов представлять собой основное направление при сведении счётов с государственным социализмом. См.: Rudolf Augstein u. a.: »Historikerstreit« – Die Dokumentation

порядка, сумевшей действовать самостоятельно. С помощью едва ли понятной современному человеку харизмы он сумел увлечь определённой политической программой миллионы немцев, и это привело их сначала на поля сражений, а потом и в братские могилы мировой войны. Вначале Гитлера лишь использовали в своих интересах реакционные, антикоммунистические и антисоциалистические силы, но вскоре он стал самостоятельным действующим лицом, ловко сумевшим сделать интересы старых антиреспубликанских элит и части делового сообщества своими интересами. Ими были: пересмотр Версальского договора, возвращение Германии в мировую политику в качестве державы мирового значения и искоренение угрозы марксизма, уничтожение коммунистов, всего рабочего движения. Антисемитизм был всего лишь важной ширмой для такой политики, утверждавшей особое величие отдельной расы и приведшей к смерти многих людей и кровопролитию. Кроме того, что не менее важно, фашисты умели сочетать идеологическое воздействие на общество не только с целенаправленными репрессиями, но и с тем, что они называли социальной политикой. Это позволило распространить своё влияние на простых людей, в том числе на обывательские слои и рабочий класс, который до поры был настроен более или менее строго антикапиталистическим. Благодаря новой власти они тоже могли что-то выиграть, улучшить свое положение, извлечь выгоду от дискриминации и убийства евреев, а позднее от завоеваний германского вермахта. Их место в обществе не изменилось, их по-прежнему эксплуатировали, не спрашивая их мнения ни на предприятиях, ни, тем более, в обществе. Но они получали материальную выгоду и дополнительное преимущество – возможность свысока смотреть на других, тех, кого из-за принадлежности к «неправильной» расе или национальности подвергали угнетению и истреблению⁹.

Немецкий фашизм и его партнёры в Италии, Японии, и, не в последнюю очередь, в Восточной Европе хотели продолжить и победоносно завершить ту классовую войну, тот системный конфликт, по причине которого мир разделился после 1917 года на капиталистический и коммунистический, или социалистический. При этом фашистам было всё равно, против кого выступать: против коммунистов или значительно более умеренных социал-демократов, с 1914 года настроенных по отношению к коммунистам враждебно.

Но на Востоке существовала держава, которая в государственном, экономическом, военном отношении воплотила в себе всё, с чем боролся Рейх. Это был Советский Союз.

Его следовало устранить, разрушить. Невзирая на все пропагандистские ухищрения, уже за несколько месяцев до вторжения было понятно: это государство и его армия должны быть уничтожены. Речь, однако, шла не о таком уничтожении, как в недавних войнах, не о почётной капитуляции противника и относительном политическом выживании, которые были всё ещё возможны на Западе, во Франции. Сухие формулировки одного из документов, дополняющих директиву № 21 (план «Барбаросса») определяли, как поступить с Советским Союзом, его гражданами и политическими деятелями, их судьба вверялась специалистам в области террора и убийств: «Для подготовки политического управления в районе боевых действий сухопутных войск рейхсфюрер СС получает специальное задание, которое вытекает из идеи борьбы двух диаметрально противоположных политических систем. В рамках этого задания рейхсфюрер действует самостоятельно и под свою ответственность. В остальном исполнительная власть гл. с. в. [главнокомандующего сухопутными войсками – Шт. Б.] и подчинённых ему инстанций затронута не будет. Рейхсфюрер СС отвечает за то, чтобы выполнение его задач не нарушало хода боевых операций. Дальнейшие детали ГКСВ [главное командование сухопутными войсками – Шт. Б.] должно согласовать непосредственно с рейхсфюрером СС»¹⁰.

der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. München 1987, 2. A.

⁹ Подробно описано в книге: Götz Aly: Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. Bonn 2005.

¹⁰ Док. 21а. Верховное командование вермахта. Директивы об особых территориях к директиве №21. (План «Барбаросса»). 13. марта 1941 г. Цит. по: Walther Hubatsch: Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939-1945. Там же, С. 89.

Кроме того, ещё за несколько недель до начала войны в «Директиве главы ВКВ [Верховного командования вермахта – Шт. Б.] по поведению немецких войск в Советском Союзе» было изложено, что ожидается в этой войне от немецких солдат: готовность к совершению военных преступлений и преступлений против человечности. «Большевизм – смертельный враг национал-социалистического немецкого народа. Германия ведёт борьбу против этого тлетворного мировоззрения и его носителей. Эта борьба требует беспощадных и решительных действий против большевистских подстрекателей, саботажников, партизан, евреев и полного устранения любого активного или пассивного сопротивления. По отношению ко всем военнослужащим Красной Армии – включая пленных – необходимо проявлять особую осторожность и предельную бдительность, так как необходимо считаться с возможностью коварных методов ведения борьбы. Особенно непроницаемыми, непредсказуемыми, коварными и бесчувственными являются азиатские солдаты Красной Армии»¹¹.

Верховное командование чётко сориентировало весь командный состав от высшего звена и до последнего ротного: на Востоке друзей нет, международное гуманитарное право там не действует, коммунисты, тем более политические руководители, а прежде всего евреи, не говоря уже о цыганах, должны восприниматься войсками и следующими за ними спецотрядами убийц – айнзацгруппами – как люди, поставленные вне закона. Обязательный к выполнению план, представленный Гитлером своим высокопоставленным военачальникам 30 марта 1941 года, не оставлял места для сомнений: «Наши задачи в отношении России – разгромить её вооружённые силы, уничтожить государство. [...] Борьба двух мировоззрений. Вынести большевизму смертный приговор – не значит совершить преступление перед обществом. Коммунизм – это огромная угроза для будущего. Мы должны отказаться от принципа солдатского братства. Коммунист никогда не был и никогда не станет нашим товарищем. Речь идёт о войне на уничтожение. Если мы не будем так понимать ситуацию, то, хотя и разобьём врага, через 30 лет снова столкнёмся с коммунистической угрозой. Мы ведём войну не для того, чтобы сохранить своего противника. [...] Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции»¹².

Всё это следует понимать буквально. 27 миллионов советских граждан лишились жизни. В осаждённых городах, таких, как Ленинград, люди умирали голодной смертью, миллионы военнопленных погибли от скудного питания, пуль, смертельных инъекций, коммунистов, комиссаров, евреев, включая детей, женщин и стариков, убивали без разбора. «Работники с Востока», как иносказательно называли людей, угнанных на принудительные работы, гибли в концентрационных лагерях, партизан ликвидировали по приговору военно-полевого суда, вместе с их помощниками, осуждёнными, чаще всего, по одному лишь подозрению. Жесточайшая борьба, которую обе стороны вели до последней капли крови, приводила к героической гибели в боях и к бессмысленным солдатским жертвам среди солдат во всё новых и новых атаках с обеих сторон. Затронула она и миллионы мирных жителей, которые всего лишь были не той национальности, придерживались не той веры или в этом подозревались.

Суть в том, что вероломное нападение на Советский Союз не было срывом «сделки» двух диктаторов, это была очередная и поначалу многообещающая попытка искоренить «марксистскую язву» с её идеями солидарности, справедливости, равенства и интернационализма.

Только после нападения на Советский Союз Вторая мировая война по-настоящему стала войной мирового масштаба. Нападение Японии на Перл-Харбор, а значит, на США, поспешно поддержанное Германским рейхом, раздвинуло её границы. Но на Востоке столкнулись два

¹¹ Документ 98: Директива главы ВКВ о поведении немецких войск в Советском Союзе, 19 мая 1941 г. В книге: Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/1941) – ausgewählt und eingeleitet von Erhard Moritz. Berlin 1970, С. 318.

¹² Документ 89: Запись из дневника Ф. Гальдера о разъяснениях Гитлера по поводу политического характера планируемой войны на уничтожение с Советским Союзом, 30 марта 1941 г. Цит. по: Там же, С. 291/292.

мира. Для фашизма, по-разному воплотившийся в Германии, Италии и Японии характерна была суровая агрессивность, стремление к порабощению и эксплуатации других стран и народов, особое умение обосновывать это «принадлежностью к высшей расе». Решающее значение имела готовность фашистов, прежде всего немецких, сочетать эту расовую борьбу с уничтожением тех, кто рассматривался как «недостойный жизни» и несущий угрозу в долгосрочной перспективе: евреев, синти, рома и, не в последнюю очередь, славян, а также критически настроенной интеллигенции и всех носителей социалистических, а тем более марксистских идей.

Глава 1. Затрагивает ли немцев русский вопрос?

«Русские идут!» – этот крик страха и лишь изредка радости освобождения раздавался в Германии на протяжении последних двух столетий. Победное шествие империализма, а затем леворадикального рабочего движения, организованного государством, начиная с 1914 года вывело это противоречие на новый уровень. Если раньше речь шла о судьбах правителей и их династий, то теперь – о проблемах национального и международного масштаба, не имеющих ничего общего с королями, царями, юнкерами и боярами. Первостепенное значение теперь имело фундаментальное столкновение интересов Российской империи – Советского Союза – Российской Федерации и интересов немецкого капитализма и империализма.

Экономическая мощь и влияние всегда были важны, а в период более чем семидесятилетнего существования СССР значение приобрёл ещё и выбор между капитализмом и социализмом. Сегодня же, как и все последние полтора десятка лет, значение имеет лишь империалистическая политика в её современной ипостаси. Будет ли мир однополярным, империей под управлением Соединённых Штатов, действующих в тесном сотрудничестве с Евросоюзом, возглавляемым Германией? Или он станет многополярным, и в нём на равных с уже перечисленными странами смогут функционировать и другие державы – Россия, Китай, прочие страны БРИКС?

На протяжении почти полувека, ключевыми в котором были 1914, 1917–1918 и 1941–1945 годы, немецкие правители, военные, интеллигенция, а в первую очередь предприниматели искали на Востоке жизненное пространство, сырьё, рынки сбыта и дешёвую рабочую силу. Лишь сокрушительное поражение в мае 1945 года, для многих означавшее освобождение, поспособствовало переосмыслению ситуации, в том числе в кругах немецкой буржуазии. Наряду с реваншистскими мыслями о «потерянных победах» постепенно утверждается осознание того, что даже новый союз с США, с учётом изменений в мировой политической ситуации и появления новой военной техники, в случае ещё одного вооружённого похода на Москву, приведёт, вероятно, к полному уничтожению Германии. Визит Аденауэра в столицу Советского Союза в 1955 году, а прежде всего тернистый путь к «Новой восточной политике» с её обещанными «изменениями путём сближения», создали возможности для мирного сосуществования. Немаловажно и то, что деятели экономики ФРГ осознали: «твёрдая» немецкая марка, а позже и евро, скорее, чем танки, проложат путь к товарам, рабочей силе и мозгам, которые можно использовать в своих интересах.

Отдельную страницу немецко-советской истории написало радикальное рабочее движение, немецкие коммунисты в их тесном, не всегда выгодном для них самих союзе со «старшим братом» в Москве. Ведь «старший брат» добился как раз того, к чему они стремились: завоевания политической власти и преобразования общества в социалистическое, предполагающее материальное благополучие для всех, всеобщее социальное равенство и справедливость, обширную демократическую деятельность и влияние. Конкретное воплощение этих идей и в Москве давалось с трудом. Сказывалось бремя прошлого, память о кровавой бойне гражданской войны и интервенции, а сверх того – об ужасах Второй мировой войны, перешедшей в Холодную войну с сохранением прежних фронтов. Случилось не мирное состязание систем, а экзистенциальный конфликт, предметом которого стало мировое господство. Советский Союз, вынужденный защищаться, часто ставил на первое место национальные интересы в ущерб интернациональным. Кроме того, всегда проще, когда потенциальные союзники идут с тобой в одной упряжке. Именно поэтому советская модель социализма служила образцом, которому все должны были следовать, а ведущая держава строго контролировала этот процесс. Эту практику можно пояснить на примере обычных для наших дней капиталистических отношений: Москва действовала как франчайзер, который, как правило, не только получает

лицензионное вознаграждение, но и следит за соблюдением всех элементов бизнес-концепции, а вдобавок имеет право раздавать указания. Поэтому взаимодействие признанной ведущей державы и её союзников не всегда отвечало марксистским принципам, на которых основывалось само союзничество. Это вызывало всё новые и новые конфликты и споры, что было на руку политическому противнику.

В этой книге я не ставлю перед собой задачи задокументировать всю историю отношений Германии и России/Советского Союза за последнее столетие. Я хотел бы лишь выделить ключевые моменты этой общей истории врагов, партнёров, вероятных друзей. По ряду причин особое внимание я уделю первым двум десятилетиям противостояния этих двух стран, то есть периоду между началом Первой мировой войны и немецко-советскими договорами 1918–1939 годов. События тех лет постоянно становятся предметом исторических дискуссий, и сознательно неверно истолковываются в зависимости от политической конъюнктуры. К тому периоду относятся такие диаметрально противоположные по окраске события, как грабительский мирный договор и передел сфер влияния с одной стороны, и соответствующий нормам Рапалльский договор с другой. Все эти события помогают исследовать отношения двух стран, часто доходящие до крайностей.

С одной стороны, я буду опираться на исторические факты, продемонстрирую взаимосвязи, которые сегодня лишь немногие хотят замечать. С другой стороны, на первый план будет постоянно выходить историко-политическая дискуссия, поскольку она позволяет расставить акценты, важные для понимания политических решений, политического мышления и действий как господствующих элит и подконтрольных государству научных кругов, так и электората.

Антикоммунизм – антисоветизм – русофобия

Не прошло и 75 лет с окончания Второй мировой войны, а по Европе вновь грохочут гусеницы танков, в небе ревут боевые самолеты, и всё сильнее раскручивается маховик пропаганды. Европе угрожает старый враг. В 30-е годы он был настолько опасен, что накануне войны Запад не смог остановить угрозу, исходившую от гитлеровской Германии. Это тот же враг, что позволил фашистской Германии выдавать себя за «защитницу западной Европы от большевизма», и потому некоторое время пользоваться благосклонностью «крупных демократий»; тот же враг, что угрожал западным ценностям и демократии во время Холодной войны, а иногда во времена войн «горячих», идущих в Европе и в мире. Это Россия!

Такова известная нам всем логика событий прошлого и настоящего.

1 сентября 2014 года польские и немецкие политики участвовали в памятных мероприятиях, приуроченных к годовщине обстрела фашистским линкором «Шлезвиг-Гольштейн» польских защитников полуострова Хель, Вестерплатте, положившего начало мировой войне. В годовщину фашистского нападения на Польшу федеральный президент Германии Гаук записал для своих польских и немецких гостей в памятную книгу новое, выдержанное в духе времени объявление войны России: «Наверное, никто тогда не предполагал, как тонок был политический лёд, по которому мы ступали. Каким заблуждением была вера в то, что задача сохранения мира и стабильности, наконец, возобладала над стремлением к власти. И поэтому шоком для нас стал тот факт, что на краю Европы вновь разворачивается вооружённый конфликт. Военное противостояние, цель которого – новые границы и новый порядок. Да, это факт: стабильность и мир на нашем континенте снова под угрозой.

После падения Берлинской стены Европейский союз, НАТО и группа крупных промышленных стран установили с Россией особые отношения и, так или иначе, сотрудничали с этой страной. Это партнёрство де факто расторгнуто Россией. Мы, однако, заинтересованы в будущем партнёрстве и добрососедских отношениях. Но в основе такого сотрудничества должно лежать изменение политического курса России в сторону соблюдения принципов международного права.

Мы придерживаемся норм международного права, укрепляем его и не потерпим, чтобы международное право было заменено правом сильного, а потому будем противостоять каждому, кто нарушает нормы международного права, захватывает чужую территорию и поддерживает раскол в чужих странах военным путём. И потому мы встаём на защиту тех ценностей, которым мы обязаны свободным и мирным сосуществованием. Мы адаптируем нашу политику, экономику и обороноспособность к новым условиям. Европейский союз и Соединённые Штаты едины во взглядах на эти ключевые вопросы, и так будет и впредь»¹³.

Исторические факты и причины текущих конфликтов подвергаются искажению. Несмотря на то, что немецкие политики придерживаются антинацистских взглядов и осознают немецкую вину, в них по-прежнему жива ненависть к великой державе на Востоке, которая с помощью многочисленных союзников окончательно разгромила немецкие армии и уничтожила фашистское государство. Некоторые политики как в Германии, так и в новых государствах Восточной Европы, не могут простить герою 1945 года эту победу.

Ничего удивительного, что такие высокопоставленные российские политики, как премьер-министр Дмитрий Медведев, делают из происходящего неизбежные выводы. Слова, прозвучавшие в 2016 году на Мюнхенской конференции по безопасности, были не столько новым

¹³ Иоахим Гаук: Речь федерального президента, почётного доктора Иоахима Гаука в день памяти нападения Германии на Польшу в 1939 году, произнесённая 1 сентября 2014 года в Данциге. Бюллетень федерального правительства. Берлин. № 98-1 от 13 сентября 2014 г.

вызовом на бой, сколько выражением недоумения, сам факт которого сигнализирует как о наличии серьёзных осложнений во взаимопонимании, так и о том, что возможности, полученные четверть века тому назад, после окончания Холодной войны, остались неиспользованными: «мы скатились, по сути, во времена новой „холодной войны“». Чуть ли не ежедневно нас объявляют самой страшной угрозой то для НАТО в целом, то отдельно для Европы, то для Америки и других стран (и господин [Йенс] Столтенберг [генеральный секретарь НАТО – Шт. Б.] это тоже только что это продемонстрировал). Снимают пугающие фильмы, в которых русские¹⁴ начинают ядерную войну. Я вообще иногда думаю: мы в 2016 году живём или в 1962?

Хотя реальные угрозы, которые существуют в нашем маленьком мире, и это, я надеюсь, вы понимаете, заключаются совсем в другом. Понятие „европейская безопасность“ сегодня охватывает гораздо более широкое поле, чем мы привыкли. Сорок лет назад речь шла, прежде всего, о военно-политических отношениях европейских стран. Но сегодня на первый план выходят другие проблемы – устойчивое экономическое развитие, проблемы неравенства, преодоления бедности, беспрецедентная по масштабам миграция, новые формы терроризма, региональные конфликты, в том числе внутриевропейские. Я имею в виду, конечно, Украину и всё ещё беспокойные Балканы, и стоящую на грани национального кризиса Молдавию»¹⁵.

Прозвучавшая в этих словах обеспокоенность не была воспринята с пониманием, напротив, она вызвала возражения, обвинения в подстрекательстве к войне и дестабилизации. Для западных государств первостепенное значение имеет не решение проблем, не стремление избежать холодной войны, а обострение конфронтации.

Велика опасность, что мы вновь окажемся на грани войны, вернее, что нас подводят к этой грани, и это спустя всего 70 с небольшим лет после окончания войны, после капитуляции гитлеровской Германии и её союзников, после освобождения. И вновь в этот процесс оказались вовлечены две великие европейские державы – Германия и Россия. Германия, как и 100 лет назад, играет в нём сомнительную роль, поскольку немецкую политику определяют в первую очередь союзнические обязательства, некая нерушимая верность. В своё время это была верность Австро-Венгерской монархии, сегодня – Соединённым Штатам.

Пятьдесят лет назад сведущий публицист Себастьян Хаффнер высказал оценку, которая по-прежнему актуальна и верна в том числе и для нового поколения жителей Германии, проявляющего большой интерес к изучению истории и черпающего большое количество сведений из различных СМИ: «История немецко-русских отношений в период между двумя мировыми войнами [здесь следует заметить: не только в этот период, – Шт. Б.] захватывает сильнее любого романа. Едва ли можно найти другой пример подобных интимно-смертельных хитросплетений между двумя народами. В этом немецко-русском романе испробованы почти все мыслимые варианты отношений, включая сугубые крайности. Тем более непонятно, почему в коллективном сознании Западной Германии отсутствует какое бы то ни было чёткое представление о тех чудовищных событиях, непосредственными участниками и жертвами которых стали представители старшего поколения, ведь эти события и до сих пор оказывают влияние на судьбу молодёжи. У людей есть разве что смутное представление о том, что когда-то существовала старая

¹⁴ Медведев ссылается на документальный фильм в формате сериала «World War Three: Inside the War Room» («Третья мировая война: в командном пункте»), который показывала телерадиокомпания BBC зимой 2016 года, и который будут показывать и в восточно-европейских странах. Россия, поддерживая в Латвии сепаратистское русскоговорящее меньшинство, развязывает войну, которая приводит к такой крайней мере, как обмен ядерными ударами. См.: Spiegel Online: BBC-Sendung: Film über russischen Aufstand in Lettland sorgt für Empörung. Hamburg. 5. Februar 2016 – <http://www.spiegel.de/politik/ausland/lettland-bbc-film-ueber-prorussischen-aufstand-sorgt-fuer-empoeerung-a-1075889.html> [15.02.2016 16:22].

¹⁵ Речь Дмитрия Медведева на английском языке: Dmitry Medvedev's speech at the panel discussion. Munich Security Conference. 13 February 2016 12:00 Munich, Germany. – <http://government.ru/en/news/21784/> [15.02.2016 16:29] [собственный перевод – Шт. Б.].

Россия, немного дикая, чужая, непредсказуемая, но вместе с тем великодушно-добродушная, иногда спасительная соседняя страна»¹⁶.

¹⁶ Sebastian Haffner: Der Teufelspakt. Die deutsch-russischen Beziehungen vom Ersten zum Zweiten Weltkrieg. Zürich 1988, 1. A. [überarb. zur Erstausgabe 1968], С. 5.

Европейское равновесие Бисмарка от Санкт-Петербурга до Берлина

Да, германско-российская история, отношения между двумя государствами, их конфликты и сотрудничество в течение последних двух с половиной веков существенно повлияли на судьбу обоих государств, а равно и всей Европы. Это были отношения соседей и конкурентов, а зачастую даже смертных врагов, отношения, которые вплоть до семидесятилетнего периода существования Советского Союза складывались между феодально-абсолютистскими, а в первую очередь капиталистическими, империалистическими конкурентами в борьбе за господство, по меньшей мере, в Европе. Правда, в течение долгого периода интересы обеих стран пересекались лишь незначительно. Укрепление Германской империи как национального государства и экспансия Российской империи на Восток были независимыми друг от друга процессами. Да, своими победоносными действиями в освободительных войнах с Наполеоном 1813–1815 годов Россия способствовала избавлению от иностранного господства и развитию немецкого национального движения. Царь Александр I, в честь которого одна из берлинских площадей с 1805 года и по сей день носит название Александерплатц, был известен немцам, поскольку своей успешной борьбой с французским императором позволил Пруссии выйти из-под влияния Франции и освободиться от французской оккупации. Для многих немецких княжеств, да и для простых граждан, Александр I стал олицетворением освобождения от иноземного ига.

Таурогенская конвенция от 30 декабря 1812 года и вступление казаков в Берлин семь недель спустя, возможно, стали началом немецко-русского (вернее: прусско-русского) братства по оружию. По крайней мере, такова легенда, повествующая о предыстории братства по оружию Национальной народной армии и Советской армии во времена ГДР, легенда, которая укрепляла дух военнопленных немецких солдат и офицеров национального комитета «Свободная Германия», мечтавших ночами о свержении гитлеровской банды и установлении в Германии демократии.

Даже объединение Германской империи, силовым путем осуществлённое рейхсканцлером Отто фон Бисмарком, было встречено Россией благосклонно. Баланс сил между Францией, Великобританией, Австро-Венгрией, Россией и Пруссией/Германией был в интересах обеих держав. Соответственно, тайный «договор перестраховки», заключённый в 1887 году между двумя странами, гарантировал взаимный «благожелательный нейтралитет» в случае внутриевропейских конфликтов, и, в частности, признание интересов России на Балканах и на Босфоре¹⁷. Таким образом, обе державы получали желаемую свободу действий во внешней политике. «Железный канцлер», безусловно, не был мирным канцлером и не ставил своей основной целью установление вечных дружеских отношений с Россией, но он заботился о правильном понимании интересов Пруссии/Германской империи и считал себя, прежде всего, политиком, реально смотрящим на вещи. Тайный договор с Россией – а Бисмарк, очевидно, понимал реакционный характер этого государства и серьёзно относился к русскому национализму – пожалуй, стал вершиной его политики в отношении России.

Ещё в начале своего политического пути, во время Крымской войны, которую западные державы вели вместе с Османской империей против России в 1853–1856 годах, Бисмарк предупреждал о том, что не следует втягивать Пруссию в эти интриги. Он не был заинтересован в раздроблении восточного соседа, чего требовали в то время от прусского правительства.

¹⁷ Тайный договор перестраховки между Германией и Россией от 18 июня 1887 г. – http://www.germanhistorydocs.ghidc.org/pdf/deu/608_Rueckversicherungs-vertrag_188.pdf [24.03.2015 19:47].

Будучи представителем Пруссии в бундесрате¹⁸ Франкфурта-на-Майне, он воспрепятствовал участию немецких войск в Крымской войне, хотя Австрия очень этого желала. В своей книге «Мысли и воспоминания» Бисмарк повторил свои былые аргументы, которые, очевидно, долгое время будоражили его память: поскольку «мы сами не имеем абсолютно никакой причины воевать с Россией и [...] у нас нет в восточном вопросе никаких интересов, которые оправдывали бы такую войну или хотя бы необходимость принести в жертву наши давние дружеские отношения к России. Наоборот, всякая победоносная война против России при нашем – её соседа – участии вызовет не только постоянное стремление к реваншу со стороны России за нападение на неё без нашего собственного основания к войне, но одновременно поставит перед нами и весьма рискованную задачу, а именно – решение польского вопроса в скольконибудь приемлемой для Пруссии форме. А раз наши собственные интересы не только отнюдь не требуют разрыва с Россией, но скорее даже говорят против этого, то, напад на постоянного соседа, до сих пор являющегося нашим другом, не будучи к тому спровоцированы, мы сделаем это либо из страха перед Францией, либо в угоду Англии и Австрии. Мы взяли бы на себя роль индийского вассального князя, который обязан вести под английским патронатом английские войны, или роль корпуса Йорка в начале войны 1812 года, когда обоснованный в то время страх перед Францией заставил нас быть её покорным союзником»¹⁹.

Эти заботы Бисмарка не потеряли актуальности и по сей день. В 1890 году он был снят с должности Вильгельмом II – «политиком мирового масштаба» – и отправился на покой. Ещё при его жизни стало ясно, что империализм не нуждается в его жонглировании пятью мячами, то есть державами (Пруссией, Австрией, Англией, Францией и Россией). Тонкую, продуманную, основанную на равновесии архитектуру безопасности, созданную стареющим рейхсканцлером Бисмарком, его преемник легкомысленно разрушил ради открывающихся глобальных перспектив. Не удивительно, что в своём замке Фридрихсру, отойдя от дел, Бисмарк вновь и вновь воскрешал в мемуарах свою прежнюю политику баланса интересов с Российской Империей: «В 1870 году мы с готовностью поддерживали политику России, помогая ей освободиться от ограничений на Чёрном море, наложенных на неё Парижским трактатом [мирный договор по итогам Крымской войны, невыгодный для России – Шт. Б]. Эти ограничения были противоестественны; запрет свободного плавания у собственных берегов на длительный срок был нестерпим для такой державы, как Россия, ибо он был унизителен. К тому же – как прежде, так и теперь – не в наших интересах препятствовать России расходовать избыток своих сил на Востоке; мы должны радоваться, когда при нашем положении и историческом развитии мы встречаем в Европе державы, с которыми у нас нет никаких конкурирующих интересов в политической области, и к таким державам по сей день относится Россия. С Францией мы никогда не будем жить в мире, с Россией у нас никогда не будет необходимости воевать, если только либеральные глупости или династические промахи не извратят положения»²⁰.

В настоящее время по сети ходит вымышленное письмо канцлера к его коллеге [имеется в виду канцлер Ангела Меркель – прим. переводчика]. В письме подробно развиваются эти аргументы, говорящие в пользу мирного сосуществования Германии и России. Очевидно, русский анонимный автор, написавший этот текст, уловил дух времени и выразил позицию и консерваторов, и левых, когда вспомнил князя и его аксиому «никогда не воюйте с Россией»²¹. Сегодня пророссийские сентенции старого канцлера, несомненно, переживают своё второе рождение

¹⁸ В то время важнейший орган, игравший роль консультативного в Германском союзе – объединении различных немецких государств, созданного после Венского конгресса 1815 года на месте распушенной в 1806 году Священной Римской Империи Германской Нации. После Австро-Прусской войны 1866 года необходимость в существовании этого органа отпала.

¹⁹ Otto Fürst von Bismarck: Gedanken und Erinnerungen. Erster Band. Stuttgart 1898, С. 114.

²⁰ Там же, С. 224.

²¹ Дмитрий Седов: Письмо Отто фон Бисмарка к Ангеле Меркель. Источник: Tlaxcala, das internationale Übersetzernetzwerk für sprachliche Vielfalt vom 6. Dezember 2014 – <http://www.tlaxcala-int.org/article.asp?reference=14072> [13.12.2015 22:12].

в правоконсервативных кругах, прежде всего в «Альтернативе для Германии» (AfD), которые не верят в Германию как мирную сверхдержаву. Концепцию «договора перестраховки» рекомендуется взять на вооружение. В принятых AfD тезисах к внешнеполитической концепции партии Александр Гауланд советует: «Отношения с Россией всегда должны быть предметом нашего особого внимания. Мы, немцы, иногда забываем, что в решающие моменты немецкой истории Россия поддерживала Германию и спасла Пруссию от гибели [...]. Когда Бисмарк был послом Пруссии в Петербурге, его однажды спросили, хотел бы он остаться в России на всю жизнь, на что получили взвешенный ответ: „Конечно же, нет. Но, тем не менее, можно сохранять дружеские отношения с государством, внутреннее устройство которого не вполне отвечает твоим личным представлениям”. В наших отношениях с Россией мы должны вернуться к тому беспристрастию, которым обладал Бисмарк»²².

Ставшая вновь заметной в наши дни, но отнюдь не новая особенность германских отношений с Россией (и с Советским Союзом) заключается в том, что необходимость их сохранить, желание сотрудничать и жить в мире, а не воевать, объединяли и объединяют представителей левых и правых, консерваторов и пацифистов. Это связано с размерами, политическим, экономическим и военным значением восточного соседа. У обеих стран и их народов есть общие интересы, и немецкая сторона осознаёт, что дружеские отношения с другими державами могут придать ей дополнительное влияние и маневренность. Такие взгляды, собственно, как и общность позиции разных политических сил по отношению к необходимости диалога с Россией, не всем понятная и не для всех желательная, совершенно точно не приносят никакого вреда. Сегодня, когда самые разные политические силы выходят вместе на демонстрации против войны, их начинают предостерегать от «третьего пути». Следовало бы задаться вопросом: в чьих интересах помешать людям высказывать правильные взгляды, общие как для правых, так и для левых?

Очевидно, что помимо рассуждений о нехорошем душе, идущем от такой общности взглядов, в ход идут и рассуждения об особенностях самой сути идеи. И отсылки к Бисмарку, безусловно, всегда преследуют конкретные цели. Он выступал за создание немецкого национального государства силовым путём. Об образовании этого государства было торжественно объявлено в оккупированном Версале. Зеркальная галерея дворца сверкала блеском начищенного оружия и касок: провозглашение императора произошло под звон оружия. Это было рождение империи, которая сознательно и жестоко отвергла демократический путь революции 1848 года, и, что немаловажно, имела непосредственное отношение к первой классовой войне против пролетариата, стремящегося к власти – Парижской коммуны. Бисмарк – рейхсанцлер, внутренняя политика которого была направлена против социал-демократов, либералов и католиков, вместе с тем сочетая в себе элементы репрессий с новаторской, опережающей своё время социальной политикой – выступал в интересах поддержания власти и против рабочего движения. И хотя позиция Бисмарка по отношению к России была похвальной, а политика предполагала отказ от всякой идеологии в качестве основы государственного курса (так называемая «реальная политика»), но в проблемных ситуациях канцлер был готов решительно применить военную силу. В конце концов, его симпатии были прежде всего на стороне реакционной, абсолютистской России, чьи основные заслуги перед Германской Империей, а прежде перед Пруссией, заключались в ведении на территории Европы антиреволюционной борьбы – борьбы против последствий Французской революции, а также борьбы против польских и венгерских повстанцев.

Намного более противоречива позиция тех консерваторов и правых экстремистов, которые полагают для себя возможным сослаться на эту политическую программу. Немецкое наци-

²² Thesen zur Außenpolitik von Dr. Alexander Gauland zur Parteikonferenz vom 10.09.2013. Alternative für Deutschland Bundesgeschäftsstelle Berlin – <http://www.alternativefuer.de/thesenpapier-aussenpolitik/> [13.12.2015 22:10].

ональное государство и национализм, даже шовинизм Первой и Второй мировых войн, прежде всего, из-за фашистской практики уничтожения народов давно утратили видимость невинности, которой в действительности они никогда не обладали. Сегодняшняя европейская политика и враждебное отношение к иностранцам являются следствием лидерских амбиций свободной Германии, вновь ставшей "нормальной", и ставит своей целью превосходство и чистоту нации – означая, таким образом, опасность возвращения к губительному прошлому. Вступать в союзнические отношения с этими силами, выдающими себя за демократические, с учётом их прошлого и проводимой ими политики исключительности и дискриминации, нельзя. Воплощением таких реакционных убеждений является «Альтернатива для Германии». Представители этой партии не всегда в состоянии скрыть под маской демократии своё властолюбие, притязания на ведущую роль в Германии, ксенофобию и пренебрежение демократическими принципами. Не говоря уже о существовании таких фашистских сил, как Пегида, «За Германию» и т.д., или откровенно неофашистских, как, к примеру, НДПГ, которые агрессивно выставляют на публику эти «немецкие пороки».

Следует, тем не менее, отдать должное реализму Бисмарка, который своими действиями показал, что и политика, основанная на капитализме и национализме, может сама себя держать в узде, соотнося свои интересы с реальным положением дел. Таким образом, критика политики Бисмарка в связи с его силовым путем объединения Германии и реакционными репрессиями внутри страны хотя и справедлива, но, по меньшей мере, неуместна, если единственной её целью является шельмование Бисмарка как реалиста и сторонника разумной политики по отношению к России. «И внешнюю политику Бисмарка нельзя брать за образец (во всяком случае, когда имеешь дело с таким манипулятором, как Владимир Путин)»²³, – так высказался один обозреватель либеральной берлинской газеты «Тагесшпигель».

Бисмарка и Путина разделяют полтора столетия, но оба они властные и реально смотрящие на вещи политики, понимающие опасность войны между Германией и Россией. Никто из них не является «демократом чистой воды» (причём не ясно, что вообще следует понимать под термином «демократия»), но у них обоих больше понимания ситуации и проницательности, чем у ярых приверженцев якобы бескорыстной и действующей вне всякой идеологии западной «общности, основанной на сходных ценностях».

²³ Альберт Функ: Отто фон Бисмарк не годится в качестве примера. Отто фон Бисмарк родился 200 лет назад. В юбилейную годовщину со дня рождения его восхваляли – как образец, как пример для подражания, как основателя национального государства. И как выдающегося внешнеполитического деятеля. Слишком много чести. См.: Der Tagesspiegel. Berlin, vom 06.04.2015.

Чувства, опасения, интересы

Без сомнения, любопытно и полезно было бы рассмотреть под микроскопом образы двух врагов, «русских» и «немцев», подробнее проанализировать разные национальные характеры, влияющие на те или иные действия или реакции. Тут терпеливая, неприхотливая, сердобольная, не пьянеющая, но, вместе с тем, вспылчивая душа русского народа, там – педантичные, предпочитающие научный подход, правильные, по-прусски вымуштрованные немцы²⁴. Ещё более интересны взаимные наблюдения и размышления представителей интеллигенции, основывающиеся как на национальных характерах, так и на мнимых интеллектуально-философских притязаниях противоположной стороны: пангерманизм против панславизма, организованность против необузданной силы²⁵.

Немцам нравятся авторы, писавшие о русской душе – такие как Фёдор Достоевский, а ещё больше Лев Толстой; они проявляют интерес к музыке Петра Чайковского, к вечной «Песне донских казаков» («Donkosakenlied» – название популярного западногерманского фильма конца 1950-х годов), к гортанному голосу Ивана Реброва или к трогательному до слёз, но всё же антикоммунистическому «Доктору Живаго» Бориса Пастернака, льстившего русской душе. Всё это находило своё отражение и во времена масштабного противостояния, наслаивалось на текущие идеологические и политические конфликты.

Не в последнюю очередь следует отметить и заимствования, сделанные у противоположной стороны силами, выступавшими за политические изменения, модернизацию своего общества. Это были силы как из левого, так, отчасти, и из правоконсервативного лагеря. Они наблюдали за всеми переломными периодами и сторонниками этих перемен в другой, не такой уж далёкой стране. Этот взгляд в историю возвращает нас во времена до 19 века – времена Ганзейского союза и орденских рыцарей, завладевших землёй на Востоке. Необходимо вспомнить и об «окне в Европу», которое считали необходимым для своей страны Пётр I и Екатерина II, о приглашении в Россию немецких ремесленников и крестьян. Русское служилое дворянство зачастую пополнялось из числа немцев и остзейских немцев, поэтому социальные конфликты в России снова и снова – в том числе в период Первой мировой войны – подогревались германофобией. В то же время обе страны предоставляли убежище тем, кто бежал от социальных и политических конфликтов и войн.

Всё это подтверждает, что рассмотрение национальных характеров, культур и духовных устремлений, без сомнения, важно. Но, когда речь заходит о таких крупных исторических конфликтах, как те, что начались после 1914 года, одного такого подхода оказывается недостаточно. Критики скажут, что национальный характер относится скорее к области фольклора, его изучение связано с действием по наитию и толкованию наугад. Но помнить о нём важно, когда необходимо учитывать мысли, действия людей, элит и масс.

Однако исторический опыт доказывает, что, приписывая объекту какие-либо свойства, можно легко манипулировать представлениями о нём: только что был добродушный – а теперь жестокий русский. Была величественная ширь русской степи – стала бесконечная дорога в плен или из плена...

В этой книге говорится о ключевых событиях в немецко-российско-советской политике, вписанной в более широкий глобальный контекст²⁶. В конце XIX – начале XX века ведущую

²⁴ Очень содержательно представлено у Петера Брандта. Peter Brandt: Das deutsche Bild Russlands und der Russen in der modernen Geschichte. Источник: IABLIS Jahrbuch für europäische Prozesse. Hagen. H. 1 (2002) – http://www.iablis.de/iablis_t/2002/brandt.htm [17.10.2006 20:19].

²⁵ Особая ожесточённость прослеживается в книге: Gerd Koenen: Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900–1945. München 2005.

²⁶ См. в недавнем издании: Hannes Hofbauer: Feindbild Russland. Geschichte einer Dämonisierung. Wien 2016.

роль в Европе играли Великобритания и Франция, а с окончанием Первой мировой войны на первый план вышел игрок, имеющий решающее значение и сейчас – Соединённые Штаты. Влиятельный американский политолог польского происхождения, советник президентов и временный глава совета по национальной безопасности Збигнев Бжезинский в 1990-е годы разрабатывал стратегические сценарии мира, в котором будет доминировать одна держава, США. Даже после победы в Холодной войне обеспокоенный взгляд Бжезинского по-прежнему был устремлён на Россию и Китай. К его позиции действующий американский президент крайне серьёзно относится и сегодня.

Даже в 90-е годы несмотря на то, что Россия была крайне ослаблена, а её президент Борис Ельцин придерживался в основном прозападной политики, страх перед возрождением России преобладал. Чтобы этого избежать, нужно было не позволить России окрепнуть, держать её подальше путём западной интеграции бывших советских республик и восточноевропейских соседей и, по возможности, втянуть её в азиатские конфликты.

Уже тогда Украине отводилась особая роль. По словам Бжезинского, «Украина – новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, геополитическая ось вращения и центр тяжести, поскольку одно лишь её существование как независимого государства способствует преобразованию России. Без Украины Россия больше не является евразийской державой. Тем не менее, она может стремиться к статусу империи, но тогда, вероятно, станет преимущественно азиатским государством, вовлечённым во все мучительные конфликты с бунтующими жителями Центральной Азии, не желающими мириться с утратой недавно обрётённой независимости своих стран и получающими поддержку от других исламских государств на юге»²⁷.

Бжезинский считал, что любая демократизация и экономический рост России при поддержке Запада неблагоприятны для США, поскольку всё это, как полагал стратег, вновь подстегнёт великодержавные амбиции России и позволит ей конкурировать с западным миром, а точнее с Соединёнными Штатами.

Средство против этого нашлось: бывшие части Советского Союза и блока советских государств следует сравить друг с другом. Но политический стратег пошел ещё дальше, коснувшись отношений Германии и России. «И Франция, и Германия недостаточно сильны, чтобы строить Европу согласно своим представлениям или решать с Россией вопросы, связанные с определением географических границ Европы. Это требует энергичных, сосредоточенных и решительных действий Америки, особенно по отношению к немцам, с тем чтобы определить размеры Европы и справиться с такими щекотливыми – особенно для России – проблемами, как возможный статус прибалтийских государств и Украины внутри союза европейских государств»²⁸.

Такое заявление согласуется с названием книги Бжезинского, которое в оригинале звучит как «The Grand Chessboard» («Великая шахматная доска»): государства подобны шахматным фигурам в руках глобального игрока, США.

Всё верно, решающее значение для ситуации имели и имеют не только немецкие интересы. Скорее следует задаться вопросом о политическом значении немецкого государства или государств, об их обязательствах и заботе о собственных, отнюдь не скромных и не оборонительных интересах. Это имело значение 100 лет назад, важно и сегодня.

Как в прошлом, так и в настоящем лица, находящиеся у власти, хорошо знают, чего хотят, и когда их друзьям приходит время стать врагами – момент этот наступает, стоит речи зайти о власти и влиянии. Государства являются лишь инструментами правящих кругов (ранее их называли классами), у государств нет друзей, у них есть интересы.

²⁷ Zbigniew Brzezinski: Die einzige Weltmacht. Amerikas Strategie der Vorherrschaft. Frankfurt/M. 2001, 4. A.

²⁸ Там же, С. 110.

Накануне Первой мировой войны начальник Большого Генерального штаба Хельмут фон Мольтке-младший заверил своего австро-венгерского коллегу в нерушимости союза Германии и Австро-Венгрии в конфликте с Сербией и Россией. Он предупредил, однако, что причина войны должна быть понятна немецкой общественности: «По-прежнему я считаю, что в Европе рано или поздно должна начаться война, в которой в первую очередь столкнутся германцы со славянами. Подготовиться к ней – обязанность всех государств-знаменосцев германской духовной культуры. Но напасть должны славяне»²⁹. Во время войны нужны были не столько «знаменосцы германской духовной культуры», сколько военные и промышленные магнаты, видевшие на востоке все шансы для расширения своей власти и новых прибылей.

После того, как в 1917 году в России произошла победоносная революция, и был создан общественный строй, который считался социалистическим, эта империя на Востоке стала вызывать ещё большее беспокойство, несмотря на то что с ней приходилось временно сотрудничать в борьбе против ещё более серьёзных угроз, о которых я ещё расскажу подробнее. Отныне речь шла уже не о «жизненном пространстве», не о завоеваниях на Востоке, а о свержении этой, казавшейся противоестественной, власти неимущих. Собственный капиталистический строй, рассматриваемый как единственный возможный, и потому естественный, теперь, казалось, находится под угрозой. Ведь, в конце концов, неимущие были и в Германии.

Адольф Гитлер и нацистские стратеги принадлежали к этой «школе мышления», и потому они, вопреки пропагандистским заявлениям, никогда не ставили роль капитализма под сомнение и не собирались с ним бороться. Они заблаговременно сформулировали планы, которые следовало воплотить, начиная с 1941 года, при помощи немецких вооружённых сил и немецких финансовых магнатов. «Германия либо станет мировой державой, либо перестанет существовать. Но чтобы стать мировой державой, ей нужны такие размеры, которые в нынешнее время дадут ей необходимую значимость, а её гражданам – жизнь... [...] Мы начинаем с того, на чём остановились шесть столетий тому назад. Мы прекращаем вечное германское устремление на юг и запад Европы и обращаем взор на страну на востоке. Мы, наконец, завершаем колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к земельной политике будущего.

Но сегодня, когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»³⁰.

Разумеется, Гитлер и его подельники связывали это империалистическое стремление к завоеваниям, свой пресловутый антикоммунизм и антибольшевизм с такой же бредовой и смертоносной идеей расовой борьбы, направленной не только против евреев, но также и против цыган и славян. Ещё раз обратимся к строкам «Моей борьбы» («Mein Kampf»): «Чтобы провести успешную борьбу против еврейских попыток большевизации всего мира, мы должны, прежде всего, занять ясную позицию по отношению к Советской России. Нельзя побороть дьявола с помощью Вельзевула»³¹.

Не союзы, не использование русской силы в своих целях, а война на уничтожение против мировоззрения и расы. Это максимы не остались лишь на бумаге, они воплотились в жизнь кровью, свинцом и «Циклоном Б».

Политически эффективными оказались отнюдь не размышления о национальных характерах, не интеллектуальные грёзы, а конкретные интересы, преимущественно экономические, политические, военные и геополитические. Они находили выражение как в конфронтации, так

²⁹ Письмо Мольтке к Конраду от 10.2.1913 г. Цит. по: Erich Otto Volkmann: Der Große Krieg 1914–1918. Kurzgefasste Darstellung auf der Grundlage der amtlichen Quellen des Reichsarchivs. Berlin 1922, 3. Aufl., С. 205.

³⁰ Adolf Hitler: Mein Kampf. Zwei Bände in einem Band. Ungekürzte Ausgabe. München 851.-855. Aufl. 1943, С. 776.

³¹ Там же, С. 786.

и, при удобном случае, в сотрудничестве, в виде заключения договоров с дьяволом, но, так или иначе, вели к убийственным последствиям.

При сегодняшних политических конфликтах и их интерпретации никогда не следует забывать о нападении нацистской Германии на Советский Союз, о войне на уничтожение против советского народа во всём его этническом многообразии, об антикоммунизме, однако даже с учётом этих факторов сегодня мы имеем дело со значительной более сложной ситуацией. С тех пор, как в начале XXI века Россия вернулась на мировую арену, она снова стала той помехой, которую более семи десятилетий олицетворял собой Советский Союз. Не контролируемая Вашингтоном, Бонном/Берлином, Лондоном и Парижем великая держава, к тому же ядерная сверхдержава, которая хочет сама определять мировую политику вместе с остальными. Она настаивает на праве иметь собственные сферы влияния, у неё есть собственные геостратегические, экономические, военные интересы. Президент Владимир Путин вновь и вновь подчёркивал: «Суверенитет и территориальная целостность [...] фундаментальные ценности. Речь идёт об обеспечении независимости и единства нашего государства, надёжной защите территорий, конституционного строя, своевременной нейтрализации всех внутренних и внешних угроз, которых в современном мире хватает. Я хотел бы сразу подчеркнуть, что, разумеется, прямой военной угрозы суверенитету и территориальной целостности нашей страны сейчас нет. И в первую очередь это обеспечивается равенством стратегических сил в мире.

Со своей стороны мы строго соблюдаем нормы международного права и обязательства перед партнёрами, и мы рассчитываем, что так же будут действовать по отношению к Москве и другие страны, объединения и военно-политические альянсы. Россия, к счастью, в такие альянсы не входит, потому что это частичная потеря суверенитета. [...] Надеемся, что наши национальные законные интересы будут учитываться, а спорные вопросы будут решаться исключительно дипломатическим путём, путём переговоров, никто не будет вмешиваться в наши дела»³².

Недавний опыт России, связанный с вовлечением бывших советских республик не только в западную экономическую систему, но и в систему безопасности НАТО, конфликты в некоторых из этих новых государств, имеющие целью вытеснить российское влияние в пользу западного, и военные столкновения в Грузии, а на момент произнесения Путиным речи ещё и украинский кризис – всё это свидетельствует о том, что российское руководство имеет дело не с фикциями, а с реальными опасностями.

Высказывание российского президента связано с этими новыми конфликтами: «Но в мире всё чаще звучит язык ультиматумов и санкций. Само понятие государственного суверенитета размывается. Неудобные режимы стран, которые проводят независимую политику или просто стоят на пути чьих-то интересов, дестабилизируются. Для этого в ход идут так называемые "цветные революции", а если называть вещи своими именами – государственные перевороты»³³.

Сильное гражданское общество, защита конституционного порядка, неуязвимая экономика и мощь вооружённых сил гарантируют России её существование. Даже отказавшись от миссионерского духа мировой революции, присущего Советскому Союзу Российская Федерация остаётся мощным игроком. Найти общий язык с Москвой – главная задача на сегодняшний день.

Немецкие политики Герхард Шредер, Хельмут Шмидт, Роман Херцог, деятели культуры Марио Адольф, Райнхард и Хелла Мей, Инго Шульце, поддерживающие торговлю с Россией экономисты-менеджеры Эххард Кордес, Штефан Дюрр и Клаус Мангольд в момент первого

³² Владимир Путин: «Мы должны быть бдительны». Речь президента России Владимира Путина на заседании Совета Безопасности Российской Федерации 22 июня 2014 года. Цит. по: *junge Welt*. Berlin, vom 25. Juli 2014, С. 3.

³³ Владимир Путин: «Мы должны быть бдительны». Речь президента России Владимира Путина на заседании Совета Безопасности Российской Федерации 22 июня 2014 года. Цит. по: *junge Welt*. Berlin, vom 25. Juli 2014, С. 3.

пика кризиса на Украине призывали «федеральное правительство помнить о его ответственности за мир в Европе. Это возможно только при условии обеспечения равной безопасности для всех и при соблюдении принципов равноправия, взаимоуважения партнеров. Немецкое правительство не идёт каким-то особым путём, когда призывает в этой тупиковой ситуации к благоразумию и продолжению диалога с Россией. Русские так же твёрдо и законно настаивают на своей потребности в безопасности, как и немцы, поляки, прибалты и украинцы.

Нам нельзя вытеснить Россию из Европы. Это несправедливо с исторической точки зрения, неразумно и несёт угрозу для мирной жизни. Со времён Венского конгресса 1814 года Россия по праву является одной из определяющих сил в Европе. Все, кто пытался изменить это обстоятельство силой, потерпели кровавое поражение – последней была страдающая манией величия гитлеровская Германия, в 1941 году вознамерившаяся поработить Россию»³⁴.

³⁴ «Снова война в Европе? Мы против!» Роман Херцог, Антье Фольмер, Вим Вендерс, Герхард Шрёдер и многие другие призывают к диалогу с Россией. ZEIT Online dokumentiert den Aufruf. In: ZEIT Online 5.12.2014 – <http://pdf.zeit.de/politik/201412/aufruf-russland-dialog.pdf> [07.12.2014 21:11].

Русские – не освободители? Политическая история как поле боя

Весной 2015 года многие были взволнованы. Можно ли праздновать 8 мая 1945 года как день освобождения? Должна ли глава правительства Германии ехать в Москву на чествование державы-победительницы России? Не отправить ли кого-нибудь пониже рангом?

Российская Федерация – правопреемник Советского Союза, который, как известно, был одной из четырёх держав-победительниц и оккупационных сил и перестал нести ответственность за Германию как единое целое в сентябре 1990 года. Лишь после того, как в Москве был подписан Договор «2+4», ФРГ и ГДР обрели полный суверенитет и с точки зрения международного права получили, таким образом, возможность «объединиться». Без этого договора ГДР не смогла бы вступить в «зону действия Конституции ФРГ» и отказаться от самой себя.

Советский Союз – и этот факт неоспорим – из всей антигитлеровской коалиции внёс наибольший вклад в дело разгрома диктатуры нацизма. Позднее Москва дала согласие на прекращение послевоенного порядка в Европе, установленного так называемой «Большой тройкой» по итогам конференций в Тегеране, Ялте и Потсдаме, чем положила конец разделу Германии. Как бы кто ни оценивал эти события, с точки зрения «простого человека» всё было очень разумно. Благодаря этому завершились две войны: в 1945 году «горячая», в 1990 – холодная. По крайней мере, так тогда казалось.

Но вскоре историческое значение Советского Союза в войне с немецким фашизмом и значение его победы было поставлено под сомнение. А в настоящее время даже оспаривается!

Сторонники движения за мир, левые, демократы в целом должны понять, что их позиция в сегодняшних дискуссиях о войне и мире может состоять только в ясном, однозначном понимании роли Советского Союза в войне и в борьбе с фашизмом в целом. Даже консерваторы, такие, как давний друг Франца-Йозефа Штрауса Вильфрид Шарнагль, видят, из-за какой именно политической тенденции было нарушено сегодняшнее мирное сосуществование. По Шарнаглю, Москва «почувствовала себя главным проигравшим, хотя именно Советский Союз сыграл решающую роль в разгроме нацистской Германии, а десятилетия спустя полностью вывел свои войска из части Германии – ГДР, чем убедительно доказал своё желание жить мирно. Российское руководство надеялось и рассчитывало на равноправные отношения с Западом. Теперь оно почувствовало себя разочарованным. Россия, вынужденная бороться со значительными внутренними проблемами, прежде всего, экономического свойства, теперь оказалась в стане проигравших в области и внешней, и военной политики»³⁵.

Сегодня «реальная политика» и политика памяти образуют губительный сплав лжи, фальсификаций, дискредитации, очернения и современного объяснения причин и итогов войны. Вера в воображаемую «добрую волю» в политике, в благодарность и верность была химерой уже во времена Бисмарка, а во времена Горбачёва и Ельцина и подавно. Из-за этой наивной, слепой веры они стали лёгкой добычей для тех, кто в политике действует расчётливо и умеет мыслить стратегически.

Моральные критерии как альтернатива военной риторике, и как ответ на неё, сами по себе не изменяют положения дел. Тем не менее, следует не только согласиться с точкой зрения Шарнагля, но и активно отстаивать её. «Когда 31 августа 1994 года последние российские войска покидали Германию, и тысячи солдат участвовали в прощальном параде в Трептов-парке в Берлине, они пели песню, слова и музыку которой сочинил специально по этому случаю один русский полковник. В ней пелось: «Германия, мы протягиваем тебе руку» и «Мы навсегда

³⁵ Wilfried Scharnagl: Am Abgrund. Streitschrift für einen anderen Umgang mit Russland. München 2015, С. 75.

останемся друзьями». Новые горизонты, такие обнадёживающие, так явно открывшиеся тогда в отношениях между Германией и Россией, между Европой и Россией, между Россией и США спустя двадцать лет скрылись во тьме, внушающей тревогу.

Для того, чтобы разогнать эту тьму и обеспечить прочный мир, оказавшийся сегодня под угрозой, необходимо, чтобы Запад изменил свою политику в отношении украинского конфликта: нужно уйти от односторонней антироссийской позиции, вернуться к шансам и возможностям эпохи перемен начала 90-х годов прошлого века»³⁶.

К слову сказать, 9 мая 2015 года Шарнагль был в числе гостей в посольстве Российской Федерации. Гостей тогда пришло немного – не набралось и дюжины действующих политиков, да и те были фигурами второго плана.

Интерес здесь представляет, прежде всего, борьба за историю, за оценку исторических событий и память о них, осуществляемая с целью призвать к мирному сосуществованию или предостеречь от конфликтов, связанных с новыми, превратными, ошибочными толкованиями. Политика памяти вновь становится ареной для политических боёв и в каком-то смысле провоцирует политическую позиционную войну. По сути, нынешнее противостояние разгорелось вокруг роли Советского Союза и, соответственно, России в немецко-русских отношениях и в отношениях западного альянса со строптивым восточным соседом, который, вновь обретая силу, воспринимается как угроза. Упомянутое противостояние при этом не ограничилось одним лишь маем 2015 года – оно нашло своё продолжение и во «Всемирном дне беженцев», который с недавних пор отмечается 20 июня на всей территории Германии, не завершилось оно и в 2016 году, в день 75-летия нападения Германии на Советский Союз. Спор об участии в торжественных мероприятиях абсурден и в высшей мере оскорбителен для России. Подобный абсурд в контексте украинского кризиса давно привёл к очередному охлаждению отношений между Берлином и Москвой, что, наряду с конфликтом США и России, имеет немаловажное значение. И опасения, связанные с возможным началом новой войны, кажутся небезосновательными.

Пусть характеристики «человек, понимающий Путина» или «человек, понимающий Россию» в политическом и медийном ландшафте Германии стали своего рода ругательствами, такие люди всё равно существуют. Некоторые, как, например, историк Карл Шлэгель, автор прекрасных критических книг о Советском Союзе, в которых, однако, преступления эпохи Сталина и деформация советского общества рассматриваются скорее с моральной, чем с исторической точки зрения, поражён нынешними поворотами российской политики и отношения к Западу. «В Германии [...] ведётся дискуссия, которая может привести, а точнее, уже привела к глубокому расколу и ощущению неуверенности в обществе. На первый взгляд это спор между так называемыми людьми, «понимающими Россию» и «понимающими Путина» с одной стороны и людьми, критикующими политику Путина – с другой»³⁷.

Шлэгель сетует на то, что к истинному «„пониманию России” это в большинстве случаев не имеет никакого отношения, ведь лишь очень немногие люди действительно разбираются в современной российской ситуации, а уж тем более знают, что творится в голове у Путина. Правда заключается в том, что существует как раз недостаток понимания. Суть совершенно в другом: человек или понимает политику России, и даже защищает её, или отвергает эту политику и противостоит ей. В большинстве случаев эти разговоры вообще не связаны с действительностью. Люди говорят об Украине, а сами никогда там не были. Люди говорят не о России, а о «Западе», «Нато», прежде всего Америке. Многие ток-шоу о России не имеют к России вообще никакого отношения, а представляют собой сведение счётов с Америкой. Путин – чело-

³⁶ Там же., С. 12.

³⁷ Шлэгель, цит. по: Irina Scherbakowa/Karl Schlögel: Der Russland-Reflex. Einsichten in eine Beziehungskrise. Hamburg 2015, С. 107.

век, который покажет этим американцем, мститель за несчастных, обиженных и оскорблённых. Он фигура, олицетворяющая все современные затаённые обиды. Наконец появился кто-то, кто померяется силами с американцами. Дискуссия о Путине, разгоревшаяся в Германии, говорит, прежде всего, о нашем отношении к Америке, о глубоко укоренившемся антиамериканизме. А также о том, что мы заодно с Европой»³⁸.

Слова Шлёгеля кажутся несколько наивными, в них звучит разочарование, но он, безусловно, прав. Мир пребывает в смятении, гегемония США в том виде, в каком она установилась в 1989–1991 годах и поддерживается силовым путём (на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке), переживает кризис. Эта гегемония утрачивает своё влияние и порождает всё больше новых конфликтов, воплощением которых становится так называемый исламский терроризм, теракты, несущие гибель множеству людей даже в западных мегаполисах.

По истечении восьми-девяти лет мирового экономического кризиса, начиная с 2007–2008 годов, постперестроечный миропорядок, построенный под эгидой США, начал рушиться. Западные державы-гегемоны США и Германия ощущают, что вопреки их политическому, военному и в первую очередь экономическому весу, а возможно, что как раз из-за него, этот миропорядок становится всё более уязвимым. Общественные структуры, кажущиеся демократическими, толерантными, в чём-то даже социалистическими, ослабевают и разрушаются. Хотя после триумфа неолиберального капитализма традиционное рабочее движение и левые, причём не только коммунистические силы и были оттеснены на второй план как бессмысленные или не отвечающие действительности, но эта капиталистическая система функционирует всё хуже и становится всё менее убедительной. Настоящего сопротивления пока что нет. Действует принцип ТИНА (There is no alternative – Альтернативы нет). Индивидуализация общества ведёт к индивидуализации фрустрации и «контрстратегий». Плохо и то, что активизировалось сопротивление правых, с их националистическими, расистскими, фашистскими лозунгами – потому что всё ещё есть кто-то, на кого можно смотреть свысока, кого можно топтать и избивать дубинками.

Ситуация на Украине или на островах Южно-Китайского моря, а в первую очередь на Ближнем и Среднем Востоке дала империалистическим США и их верным, пусть и обладающим суверенитетом вассалам понять, что победа в Холодной войне на самом деле была мнимой, «конец истории» не наступил. В игру возвращаются те мировые игроки, которые были, казалось, выброшены на свалку истории; дают о себе знать и игроки новые, такие, как Исламское государство, возникшие в результате операций спецслужб США в период Холодной войны.

Войны, которые США ожесточённо ведут с целью насаждения и укрепления нового миропорядка, не привели к запланированным результатам. Речь идёт о двух войнах в Персидском заливе (1990–91 годы и 2003 год), войне в Афганистане (2001 год), следует также упомянуть Сомали (с 1992 г.) и Ливию (2011 г.), Балканы (война в Югославии 1999 г.) и пограничные регионы России (включая две чеченские войны 1994 года и 1999 года), а также кризис на Украине (с 2014 г.) и грузинскую войну 2008 г. С военной точки зрения все эти войны были проиграны, использованные марионеточные правительства оказались практически нежизнеспособными. Роль мирового жандарма обходится США всё дороже, и играть её, с учётом внутривнутриполитической обстановки, стало труднее. Но и сами союзники стали менее послушны, более скупы и осторожны, когда речь идёт о деньгах или войсках. Получились failed states, не состоявшиеся государства. Идеал устройства западного мира – замкнутого, ведомого США и структурированного – более не работает. Запасная стратегия максимальной дестабилизации, кантонизации стратегически важных сырьевых регионов Среднего и Ближнего Востока, а также отдельных частей Африки, оказалась настолько «удачна», что США и их союзники теряют кон-

³⁸ Там же, С. 108.

троль над ситуацией, а сложившиеся ранее организации, такие, как воины Аллаха всех мастей, теперь отстаивают свои собственные интересы вопреки экономическим, силовым и культурным интересам Запада, читай США.

Речь в основном идёт о кантонизации, то есть раздроблении, некогда вполне жизнеспособных государств, часто автократических или диктаторских, но вполне обеспечивавших своим гражданам если не избыток демократии, то скромное благосостояние и социальное благополучие. Сегодня на их месте образовались пёстрые лоскутные ковры из областей под управлением полевых командиров и находящихся у власти групп, сформировавшихся по этническому и/или религиозному принципу. В среднесрочной перспективе это может помочь делу поддержания баланса сил между Америкой, Западом и Израилем. По крайней мере, ограниченного военного и экономического вмешательства вполне достаточно для обеспечения стратегических интересов государства и доступа к полезным ископаемым – в первую очередь к злосчастной, но такой необходимой нефти. До тех пор, пока сопротивление носит экстремистский характер и религиозно мотивировано (а также дискредитирует себя как исламистское) некоторые остаточные риски сохранятся и в мегаполисах.

Некогда великие державы и сверхдержавы с переменным успехом преодолели поражение, нанесённое им в 1989–1991 годах, и вновь заявили о себе некоторым (как Россия) или значительным (как Китай) экономическим ростом, благодаря – или как раз вопреки – санкционной политике Запада. В первую очередь, за это время они смогли, используя высокие технологии, развить военный потенциал, примерно равный потенциалу США, а в некотором отношении даже превосходящий его. Кроме того, они являются носителями более националистической идеологии и готовы активно использовать упомянутый потенциал в том числе и для защиты своей власти и зон влияния. И наконец, они играют важную роль, представляя собой противовес эгоистичным великодержавным амбициям мирового жандарма – США, но пока не заявили о своём стремлении к мировому господству, выходящему за рамки их претензий на региональную гегемонию. Именно поэтому для многих развивающихся стран они интересны как партнёры.

Как показал кризис 2007–2008 годов, капиталистическая глобализация достигла своих пределов. Число проигравших за пределами капиталистических метрополий растёт, дестабилизация экономически ослабленных стран на большинстве континентов усиливается. Социальные конфликты вспыхивают и между классами, но важнее всего то, что им находится разрядка в виде религиозных или националистических концепций и движений. Религии, способные вдохновлять большие массы людей и побуждать их к радикальным действиям, служат для маскировки властно-политических амбиций. Подобным же образом действует глорификация собственной нации, расизм и ксенофобия. Такая система манипулирования столь же высокоэффективна, сколь и бесчеловечна, и приводит в ужас цивилизованные общества, не способные себя защитить. Социальные конфликты вкупе с гражданскими войнами и государственными кризисами, нередко задуманными или спровоцированными США и их союзниками, как это было в Сомали, Ливии, Афганистане, Сирии, ведут ещё к одному следствию – массовому бегству жителей.

Глобализация стучится в ворота, бьёт крыльями о провололочные заграждения западного мира. Так называемый кризис беженцев в Германии и в Евросоюзе в целом – самое неоднозначное и в настоящее время самый неприятный итог этого процесса. Те, кто не верит в удивительное проявление человечности со стороны обычно скупой на эмоции госпожи канцлер, подумают скорее о заинтересованности немецкой экономики в дешёвой и послушной рабочей силе, об имиджевых кампаниях с целью восстановления репутации Берлина, пострадавшей при отыгрыше Германией роли гегемона в ЕС (следует вспомнить недавнюю драматическую ситуацию с Афинами), но прежде всего при виде такого массового бегства, нарушающего баланс, они ощутят дежавю, причиной которого, вероятнее всего, станут США. Ведь та же стратегия,

которая оказалась успешной в случае с ГДР, возможно, подорвёт военный успех коалиции Ассад-Путин-Иран. Без интеллигенции, без среднего класса, без молодёжи Сирия обречена.

Собственно, вся суть проблемы глобализации кризиса заключается в том, что правые и реакционеры пытаются сделать социальные конфликты, возникающие по причине сокращения социальных программ, изменения структуры экономики, увеличения разрыва между богатыми и бедными почвой для возрождения национализма и фашизма. Правые, правоэкстремистские, фашистские идеологии, движения, партии встречаются в западных метрополиях всё чаще. Национализм, ксенофобия, расизм, исламофобия – вот идеальные громоотводы на пути ко всё более неприкрытой диктатуре капитала, которая подрывает основы демократических структур, преобразует их и влечёт за собой перемены к худшему. Остаётся один вопрос: чему история научила партию левых, способны ли они критически взглянуть на собственное прошлое и былую стратегию, переосмыслить собственное отношение к реальному социализму. Характерное для последнего времени «человеколюбие», положительное сама по себе стремление помогать другим, регулярное проведение антифашистских и антирасистских контрдемонстраций, вера в открытые границы для всех, а также в то, что их партия может помочь беженцам, будут в данной ситуации плохим подспорьем. Хуже того, велика опасность подлить масла в огонь врагов демократии и вскоре лишиться поддержки пока ещё космополитически настроенных демократов.

На этом фоне возрождение России и Китая в качестве великих держав приобретает характер катализатора этого кризиса. Это ощущают – зачастую неосознанно, смутно – и левые, и правые. Политика активного вмешательства и изоляции, которую ведут США и их союзники, сдерживает этот процесс так же, как и клятвенные обещания вести неолиберальную политику. Иные, напротив, принимают для себя Россию за ориентир, потому как по отношению к России западные государства проявляли и продолжают проявлять свои притязания на превосходство, и потому, что в России этот гегемонизм столкнулся с сопротивлением, вызывающим удивление Запада и США, сопротивлением, которому им в настоящий момент трудно противостоять.

«Люди, понимающие Россию», такие, как Габриэле Кроне-Шмальц, Петер Шолль-Латур, Томас Фасбендер, Хуберт Зайпель писали и пишут книги на эту тему и стараются критически смотреть на мир³⁹. Не всегда, впрочем, подобные взгляды определяются политической позицией человека. Знаток России и Восточной Европы Йорг Баберовски, с которым едва ли можно согласиться в его переоценке террористической составляющей реального социализма, прав, когда говорит: «Никому не нужен историк, который только возмущается, но ничего не объясняет [...]. Моя работа совершенно невозможна без эмпатии. 15 лет я занимался исследованием ада сталинских репрессий. Конечно, возникает симпатия по отношению к жертвам. Но читатели ожидают от историка, что он им объяснит, почему судьбы других людей сложились так, как они сложились, и как сам историк это понимает»⁴⁰. То же самое касается журналистов и тех, кто считает, то занимается политикой.

Хуберт Зайпель, журналист, получающий свои знания о России из первых рук, вполне разумно связал позицию России с образом Путина: «Становится ясно, что в случае с Россией речь больше не идёт о нюансах международного права. Политические круги в Москве воспринимают санкции Запада не просто как политический экзерсис, призванный дисциплинировать страну, а как стратегическую часть не объявленной официально войны. Цель этой войны –

³⁹ См. в том числе: Mathias Bröckers/Paul Schreyer: Wir sind die Guten. Ansichteneines Putinverstehers oder wie uns die Medien manipulieren. Frankfurt/M. 2014, 2. A.; Gabriele Krone-Schmalz: Russland verstehen Der Kampf um die Ukraine und die Arroganz des Westens. München 2015; Thomas Fasbender: Freiheit statt Demokratie. Russlands Weg und die Illusionen des Westens. Waltrop-Leipzig 2015, 4. A.; Peter Scholl-Latour: Russland im Zangengriff. Putins Imperium zwischen Nato, China und Islam. Berlin, 13. A. (1. A. 2006); ders.: Der Fluch der bösen Tat. Das Scheitern des Westens im Orient. Berlin 2014; Hubert Seipel: Putin. Innenansichten der Macht. Hamburg 2015.

⁴⁰ Слова Баберовски в интервью газете ZEIT: Karl Schlögel/Jörg Baberowski: Wer versteht den Schurken? Цит. по: Die Zeit. Hamburg. N. 29/2015, С. 44/45.

дальнейшее расширение ЕС и НАТО вплоть до границ России. То, что официально преподносится как преследующий высокие цели крестовый поход Запада во имя самоопределения и демократии, в путинской действительности видится продолжением попыток подорвать влияние России, иллюстрацией двойных стандартов: эти же самые люди обвиняют российского президента в том, что он хочет восстановить прежний Советский Союз»⁴¹.

Именно на такую политику реагирует Москва, и её реакция вызывает в Вашингтоне, Лондоне, Париже, да и Берлине удивление и «опасения», провоцирует их на политический, экономический и военный ответ, ещё более обостряющий обстановку. Запад хочет превратить Россию в податливого, зависимого «партнёра», чего ему не удалось сделать в 1989–1991 годах. Любое сопротивление со стороны России нынче воспринимается как угроза. Именно по этой причине процитированные выше немецкие политики и общественные деятели так настойчиво подчёркивают: «Мы против!» В духе прежней «новой восточной политики» – политики разрядки 1970-1980-х годов – они предостерегают: никто не хочет войны. Но Северная Америка, Европейский союз и Россия неминуемо приблизят её, если не прекратят раскручивать эту пагубную спираль, состоящую из угроз и контругроз. Ответственность за мир и безопасность лежит на всех европейцах, включая Россию. Лишь тот, кто помнит об этом, избежит ложных путей.

Украинский конфликт показал: жажда власти и господства не искоренена, пусть в 1990 году, в конце Холодной войны, мы все на это и надеялись. Но успехи политики разрядки и мирных революций усыпили нашу бдительность и притупили внимание – как на Западе, так и на Востоке. Американцы, европейцы и русские уже не исключают возможности близкой войны. Иначе ничем нельзя объяснить ни расширение западного блока на Восток, угрожающее России, при отсутствии одновременного углубления сотрудничества с Москвой, ни аннексию Крыма Путиным, противоречащую нормам международного права.

Сегодня, когда континенту угрожает огромная опасность, на Германии лежит особая ответственность за сохранение мира»⁴².

Конечно, встаёт вопрос: как такая агрессивная политика могла оказаться жизнеспособной – и это после краха реального социализма, распада Советского Союза и триумфа западных представлений о капитализме и демократии? Как могла оказаться жизнеспособной практика манипулирования собственными гражданами при помощи идеологии, влияния на те силы, что сегодня считаются конкурентами. Очевидно, что ответ кроется в пропаганде «западных» ценностей демократии, свободы мнения, индивидуализма, общего благосостояния и, не в последнюю очередь, свободы предпринимательской деятельности. Однако, к сожалению, даже в тех счастливых странах, которые существуют за блестящими фасадами капитализма и американского образа жизни, более проникательные наши современники могут понять, как на самом деле функционирует эта система. Глобальный экономический кризис 2007–2008 годов вскрыл недостатки в работе системы и моральные риски. Погоня за прибылью, коррупция и негативные, эгоистически окрашенные стороны индивидуализма позволяют увидеть, какова «демократия» в действии, и осознать, что даже такой, казалось бы, благополучный образ жизни имеет свою обратную сторону, он не для всех, а кто-то может даже стать его жертвой.

Историческая политика, политика памяти здесь становятся связующими звеньями. Тот, кто пытается интерпретировать историю, сортирует политических друзей и противников исходя из их важности для нынешних союзов и противостояний. Тот, кто наиболее убедителен и дотошен в своей попытке раскопать новые «аргументы», у того может получиться поколебать возможные симпатии и положить им конец. В этом смысле Россия и, соответственно, Советский Союз являются для немцев и американцев основной целью. Политика России все-

⁴¹ Hubert Seipel: Putin – Innenansichten der Macht. Hamburg 2015, С. 48.

⁴² "Снова война в Европе? Мы против!" Там же.

гда велась с оглядкой на западную, воплощая в себе общность и враждебность, объединяющие и разъединяющие интересы. История Второй мировой войны выступает в качестве идеального орудия дискредитации советской и российской политики. Такую же роль играет и история Советского Союза эпохи реального социализма как с её действительно имевшими место преступлениями и заблуждениями, так и с тем антиисторическим осуждением, которому её подвергают. Такую иначе интерпретированную историю можно эффективно использовать в сегодняшних политических спорах и, подобно орудью, привести её в боевую готовность для борьбы с сегодняшней Россией и антизападной политикой.

Для российской стороны принудительно навязанная ей война с Германией по сей день является важнейшим переломным моментом в её истории, намного более значимым, чем смена царей, революционных лидеров или президентов, намного более значимым, чем нередко кровопролитные смены режимов последних полутора сотен лет. На вопрос корреспондента итальянской газеты «Corriere della Sera» о том, не было ли отсутствие западных политиков 9 мая 2015 года в Москве расценено как «неуважение к русскому народу» и о том, что «сегодня эта память означает для российской идентичности», Путин объективно отметил значение этой войны и памяти о ней, как и памяти о победе в этой войне его страны, выступающей в составе большой антигитлеровской коалиции: «Вопрос не в идентичности. В основе идентичности лежит культура, язык, история. Война – это одна из трагических страниц нашей истории. Мы, конечно, отмечаем такие дни, и праздничные, и печальные [...] думаем и о том поколении, которое обеспечивало нам свободу, независимость, о тех людях, которые победили нацизм. Мы думаем также о том, что никто не имеет права забывать эту трагедию – и прежде всего потому, что мы должны думать о том, чтобы ничего подобного не повторилось. И это не пустые слова, это не опасение, основанное на пустом месте.

Мы слышим сегодня голоса, которые, например, говорят о том, что не было никакого Холокоста. Мы видим, как пытаются героизировать нацистов или коллаборационистов. [...] Сегодняшний терроризм во многих его проявлениях очень похож на нацизм, и различия, по сути, никакой нет. Мне думается, что те коллеги, о которых Вы упомянули [...] они просто за текущей непростой конъюнктурой международных отношений не увидели гораздо более серьёзных вещей, связанных не только с прошлым, но и с необходимостью бороться за наше общее будущее. Но это их выбор, и, прежде всего, это наш праздник, понимаете? [...]

Мы вспоминали в эти дни не только тех, кто боролся с фашизмом в Советском Союзе, мы говорили обо всех наших союзниках, в том числе вспоминали и участников Сопротивления и в самой Германии, кстати говоря, и во Франции, и в Италии. Мы обо всех помним и отдаём дань уважения всем людям, которые, не жалея себя, боролись с нацизмом. Конечно, мы же прекрасно все понимаем, что именно Советский Союз внёс решающий вклад в эту Победу и понёс самые большие жертвы в борьбе с нацизмом. Для нас это не просто военная победа, для нас ещё и моральная победа. Понимаете, у нас почти в каждой семье есть потери, как мы можем про это забыть? Это невозможно»⁴³.

Немецкая политическая элита, в числе прочих, как раз и хотела бы об этом забыть. С недоверием и презрением как левые, так и другие политики узнали, что федеральное правительство не хочет иметь ничего общего с предстоящей годовщиной освобождения Германии, а вернее, что оно, несмотря на свою, как правило, большую увлечённость историко-политическими темами и юбилеями, не видит необходимости в праздновании этой годовщины. Это тем более примечательно, что в 2014 году федеральное правительство не нашло в себе сил отказаться от мемориальных торжеств по случаю годовщины «начала» Первой мировой войны и

⁴³ Владимир Путин: «Мы никогда не обходились с Европой, как с метрессой». [Интервью: Paolo Valentino, Corriere della Sera]. В: Welt online. Berlin, vom 7. September 2015 – <http://www.welt.de/politik/ausland/article142077065/Wir-haben-Europapornie-eine-Maetresse-behandelt.html> [09.09.2015 19:13].

чрезвычайно благосклонно отнеслось к историко-политическому и научному ажиотажу вокруг этого юбилея.

Ещё более странным это кажется в свете того вполне приличествующего ситуации внимания, которое представители Германии уделили 70-летней годовщине освобождения концентрационного лагеря Освенцим и его узникам, пережившим Холокост. Вместе с тем, отвечая на соответствующий запрос парламентской фракции Левой партии Германии [о праздновании 70 годовщины победы в России – прим. переводчика], федеральное правительство подчёркивает, что оно «осознаёт свою вечную обязанность помнить о преступлениях национал-социалистического режима и отдавать дань памяти его жертвам, в частности, поэтому оно финансирует создание мемориалов, призванных поспособствовать в осмыслении этих преступлений и сохранении памяти о них». В приведённом выше ответе федеральное правительство не видит никакого противоречия между широким вниманием к Первой мировой войне и деятельностью, связанной с политикой памяти. Вместо этого оно подчёркивает: «Неверно было бы необходимо сделать вывод, что такой повышенный интерес связан с попыткой снять с Германии вину за захватнические войны, уничтожение народов, преступления против человечности и тяжкие военные преступления национал-социалистического режима. В юбилейном 2015 году, когда отмечается 70 лет с момента окончания Второй мировой войны и освобождения большинства концентрационных лагерей, память о Второй мировой войне, безусловно вновь окажется в центре внимания общественности и СМИ»⁴⁴.

Когда федеральное правительство ставит перед немецкими общественными деятелями и учёными определённые задачи, особо подчёркивая роль «компетентных органов федерального подчинения, занимающихся политическим, историческим и культурным образованием», это гарантированно «способствует не формированию исторической картины, продиктованной государством, а укоренению в обществе научно обоснованной традиции памяти»⁴⁵.

Такие действия укладываются в рамки общего подхода немецких политиков к истории, особенно в том, что касается исторической памяти. Они называют это объективным подходом к историческим процессам. Но в действительности управление финансовыми потоками, символические политические действия, а также создание и укрепление господствующей исторической картинки несомненно служат претворению в жизнь определённой политики.

Особенно ярко это проявляется в поведении по отношению к России. Перепалка по поводу возможного участия федерального канцлера в памятных мероприятиях в Москве завершилась её отказом от присутствия на военном параде на Красной площади в День Победы. Вместо этого канцлер нанесла визит в Москву на следующий день, возложив цветы, в частности, на Могилу Неизвестного Солдата. С учётом бойкота со стороны глав крупных западных государств антигитлеровской коалиции, это, без сомнения, был жест, который при всей протокольной дистанции по отношению к Дню освобождения, или же Дню Победы всё же подчеркнул особую ответственность, которую Германия несёт за отношения между двумя народами. По крайней мере, на пресс-конференции с президентом России канцлер заявила: «Мне было важно вместе с президентом Владимиром Путиным по случаю 70-й годовщины окончания Второй мировой войны почтить память погибших в этой войне [...]. Как федеральный канцлер Германии, я склоняюсь перед миллионами жертв войны, развязанной национал-социалистической Германией. Нас никогда не покинет осознание того, что наибольшие потери понесли народы Советского Союза и солдаты Красной Армии». Канцлер напомнила, «что это была жестокая расовая война на уничтожение, принёсшая неопишемые страдания миллионам людей, ... [и] о преступлениях холокоста, которые навсегда останутся в памяти

⁴⁴ Ответ федерального правительства на Малый запрос депутатов Севима Дагделена, д-ра Сары Вагенкнехт, д-ра Гезине Лётши, других депутатов и фракции Левой партии Германии. – Drucksache 18/3634 – Bekämpfung der Verherrlichung des Nazismus. Deutscher Bundestag 18. Wahlperiode. Berlin. Печатное издание немецкого бундестага 18/3779 от 20.01.2015, С. 6.

⁴⁵ Там же, С. 7.

немцев. Я помню о том, что русские, украинские, белорусские и другие солдаты Красной армии освободили Берлин, а вместе с союзниками из западных стран – и всю Германию»⁴⁶. В то же время она не смогла и не захотела отказаться от враждебного взгляда на советскую политику того времени и напомнила о том, «что окончание Второй мировой войны не всем европейцам принесло свободу и демократию». Последствия раздела Германии для её отношений с Европой удалось преодолеть лишь 45 лет спустя, в том числе благодаря стремлению к переменам в соседних странах, таких, как Польша и Венгрия, и в результате мирных преобразований в Советском Союзе»⁴⁷. Этим своим высказыванием канцлер подчеркнула относительность победы и освобождения.

Но прежде всего она связала эти исторические события с обвинением в адрес российской стороны, отражающим строго западную и украинско-националистическую точку зрения на события на Украине. По фатальному стечению обстоятельств это обвинение оказалось не просто намёком на якобы неизменно агрессивную политику Советского Союза/России как мировой державы. «Преступная и противоречащая международному праву аннексия Крыма и вооружённый конфликт на востоке Украины серьёзно навредили нашему сотрудничеству, потому что в этом мы видим нарушение основ общеевропейского мирного сосуществования. Тем не менее, и сегодня это для меня особенно важно, история учит нас прилагать все усилия для того, чтобы разрешать конфликты, какими бы трудными они не были, мирно и с помощью диалога, то есть демократическим путём»⁴⁸. К счастью, российская сторона, заклеянная как преступница и нарушительница международного права, не отплатила той же монетой, что могло лишь обострить конфликт. Очевидно, что она видит события в ином свете, мнимую «революцию» на Майдане воспринимает, прежде всего, как средство дестабилизации Украины и окружения России, и не признаёт аннексию Крыма, считая её сецессией⁴⁹.

По всей видимости, акцентирование роли Красной армии как освободительницы от фашизма является лишь одним из аспектов нынешней политики России по отношению к её соседям, результатом жестокого противодействия ей со стороны мирового сообщества, возглавляемого Западом. На Западе считается, что страну, которую сегодня считают агрессивной, нельзя хвалить и чествовать за то, что несколько десятилетий назад она укротила и уничтожила другого агрессора. К тому же, особенно в условиях восточноевропейского посткоммунистического режима, не следует оказывать такое уважение стране, которая лишь использовала освобождение от одной тоталитарной диктатуры с тем, чтобы заменить её другой.

Если смотреть на ситуацию под таким более широким углом зрения, эпизод 2015 года становится частью общей – по меньшей мере, европейской – концепции пересмотра военной и послевоенной истории в отношении великой восточной державы со столицей в Москве, а также сфер её влияния и интересов.

Но, как это часто бывает, в действительности спор об исторических событиях и их интерпретации вызван конфликтом интересов, политических стратегий государств и союзов. Это характерная проблема в новейшей истории русско-немецких взаимоотношений. Сегодняшняя массированная атака на российские позиции вызвана, в первую очередь, спорностью победы

⁴⁶ Пресс-конференция федерального канцлера Меркель и президента Путина 10 мая 2015 года в Москве. Полный текст. Bundesregierung – <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2015/05/2015-05-10-pk-merkel-putin.html> 22.05.2015 18:46].

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Критический подход к украинскому вопросу, не поддерживающий доминирующую антироссийскую точку зрения, предлагают, в том числе Райнхард Лаутербах, Давид Ноак, Винфрид Шнайдер-Детерс, Роланд Тоден/Сабине Шиффер (издатель): Reinhard Lauterbach: Bürgerkrieg in der Ukraine. Geschichte, Hintergründe, Beteiligte. Berlin 2014; David X. Noack: Die Ukraine-Krise 2013/2014. Versuch einer historischen, politökonomischen und geopolitischen Erklärung. Dresden 2014; Winfried Schneider-Deters: Die Ukraine: Machtvakuum zwischen Russland und der Europäischen Union. Berlin 2014, 2. A.; Roland Thoden/Sabine Schiffer (Hg.): Ukraine im Visier. Russlands Nachbar als Zielscheibe geostrategischer Interessen. Frankfurt/M. 2014

в Холодной войне. Москва не забралась безропотно под крыло победившего неолиберального капитализма, как это сделали другие европейские государства и восточная часть Германии, и не поступилась своей политической самостоятельностью, хотя такая опасность и существовала в течение короткого времени после капитуляции Михаила Горбачёва в Холодной войне. Факт этой капитуляции он фактически подтвердил перед Джорджем Бушем–старшим в декабре 1989 года во время шторма в порту Ла-Валлетта (Мальта). Тем не менее, последовавший затем распад как Восточного блока, так и Советского Союза, и распродажа распадающегося Советского Союза и постсоветских государств при молодом капитализме эпохи Бориса Ельцина остались лишь неприятным эпизодом в русской истории 1990-х годов.

21 ноября 1990 года в Париже главы государств и правительств государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в торжественной обстановке составили и подписали хартию, призванную положить конец холодной войне и системной конфронтации. Они давали друг другу восторженные обещания: «Эра конфронтации и раскола Европы закончилась. Мы заявляем, что отныне наши отношения будут основываться на взаимном уважении и сотрудничестве. Европа освобождается от наследия прошлого. Храбрость мужчин и женщин, сила воли народов и мощь идей хельсинского Заключительного акта открыли новую эпоху демократии, мира и единства в Европе.

Наше время – это время осуществления тех надежд и ожиданий, которые жили в сердцах наших народов на протяжении десятилетий: твёрдая приверженность демократии, основанной на правах человека и основных свободах; процветание через экономическую свободу и социальную справедливость и равная безопасность для всех наших стран»⁵⁰.

У государств и народов наконец появилась возможность избавиться от идеологического, экономического и военного балласта системного противоборства. Предполагалось, что все государства смогут стать демократическими, их экономики будут реорганизованы во благо народов, начнёт действовать единая система ценностей, а границы государств останутся неизблемыми, причём восточноевропейские государства смогут занять своё место в мировом сообществе, не присоединяясь ни к каким блокам. Советский Союз поверил в то, что военная интервенция ему больше не грозит, что НАТО не будет расширяться на Восток. Это стало основанием для официально оформленного согласия Советского Союза на объединение Германии и успешного вывода советских войск из вновь обретшей целостность страны в 1994 году.

Но действительность была иной. Путь к хваленной западной рыночной экономике оказался тернистым, а для большинства жителей Восточной Европы он стал путём к социальному упадку, или, по меньшей мере, к длительному периоду дестабилизации, часто хаоса. Лишь часть их элит вышла из этого периода молодого капитализма и экономического пиратства с богатой добычей. «Среднему классу», обладающему высокой степенью приспособляемости, потребовалось значительное время, чтобы обеспечить себе более или менее скромное благосостояние. Большинству населения новая эпоха мало что дала, пусть их приоритеты и изменились. Времена социальной защищённости и равенства прошли. Неизбежным следствием этого стала социальная напряжённость, разрядка которой осуществлялась отчасти насильственным путём. С коммунистическим прошлым и известными деятелями того периода сводили счёты как в политическом, так и социальном смысле – где-то больше, где-то меньше, а во многих восточноевропейских государствах, а также в странах-правопреемниках Советского Союза, часто в лёгкой форме по причине оппортунизма.

В то же время стало понятно, что закреплённые в Хартии обещания в сфере политики безопасности – пустой звук. Заявление о том, что «опасность конфликтов в Европе [...] снизи-

⁵⁰ Парижская хартия для новой Европы. Заявление глав государств и правительств государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) от 21 ноября 1990 года. В: Bulletin der Bundesregierung. Bonn. Nr. 137 vom 24. November 1990, S. 1409/1410.

лась», было заведомой ложью. За двусмысленными формулировками о неких иных опасностях, угрожающих «стабильности нашего общества», крылись изменения, масштаб которых пока трудно поддаётся оценке, и начались они не без стороннего влияния⁵¹. Обещание, что право на самоопределение народов не вступит в противоречие с функционированием государств, имело мало общего с действительностью и политической практикой. Одним из достижений реального социализма является то, что националистические тенденции были отодвинуты на второй план, уступив место интересам солидарного, интернационального общества и межгосударственных отношений. Социальные вопросы ставились превыше национальных⁵². Считалось, что не цвет кожи, язык и традиции ведут к расколу в обществе, а собственность, эксплуатация и капиталистическая власть. Теперь всему этому суждено было измениться, и процесс перемен оказался тягостным, затяжным и отнюдь не лишённым противоречий. В социальных и политических конфликтах как правящая партия, так и оппозиционеры вновь и вновь, преследуя свои интересы, разыгрывали националистическую карту. Но в первую очередь национализм, направленный против социалистических притязаний на власть, оставался частью системной полемики. Если Германии было клятвенно обещано единство нации, для других стран приоритетом считалось освобождение от национального ига коммунистической Москвы. «Радио Свобода», полное название которой – «Радио Свободная Европа/Радио Свобода», долгие годы день за днём приводило в пользу этого ядовитые аргументы. Любая недооценка настроений этнических сообществ, любой случай действительного или мнимого ущемления этнических интересов, право на участие в политической жизни, языковых и культурных потребностей в социалистических государствах мог стать уликой против реального социализма.

Но после распада Советского Союза и окончания конфронтации блоков наступил период вовлечения в новые союзнические отношения. Если вначале новые, меняющие ориентацию государства Восточной Европы надеялись на экономическое процветание в разросшемся Европейском Союзе, то вскоре им объяснили, что к чему. Их путь к благосостоянию должен был вести через НАТО. Новый мир принёс с собой старые конфликты – теперь они сместились дальше на Восток, но враг оставался прежним – Москва.

Уже во времена холодной войны Югославия и Советский Союз представляли собой особую зону для националистических и сепаратистских движений. Вновь и вновь западные государства и их спецслужбы вмешивались в протекающие на этих территориях процессы, поддерживали местные конфликты деньгами, инструкциями, оружием, давлением СМИ. После краха реального социализма эти движения, наконец, получили возможность для безграничного развития. При этом не будет ошибкой утверждать, что Югославия, также как и советская Прибалтика, представляли собой экспериментальный полигон, спусковой крючок, нажатием на который предполагалось вытеснить многонациональные Советский Союз и Китай с мировой политической арены – ведь то государство, которое более не контролировало собственное общество, вынуждено было отказаться от своих социалистических идеалов и оказалось втянуто в борьбу с сепаратистами, представляло гораздо меньшую опасность в качестве конкурента.

Запад, в особенности Федеративная Республика Германия, с самого начала крайне благосклонно относился к центробежным тенденциям в Югославии. Ганс-Дитрих Геншер, будучи министром иностранных дел ФРГ, внёс существенный вклад в распад Югославии, одним из первых признав независимость отколовшихся государств – Словении и Хорватии. Югославия, как и ФРГ, тоже подписывала Парижскую хартию, в которой утверждалось следующее: «Мы намерены сотрудничать в деле защиты демократических институтов от действий, нарушающих независимость, суверенное равенство или территориальную целостность государств-участни-

⁵¹ Там же, С. 1414.

⁵² См. по теме исторической дискуссии о Левой партии Германии: Stefan Bollinger: Linke und Nation. Klassische Texte zu einer brisanten Frage. Wien 2009.

ков. К ним относятся незаконные действия, включающие давление извне, принуждение и подрывную деятельность»⁵³. В течение года после того, как был подписан этот документ, распались – частично в ходе военных конфликтов – два государства: Союз Советских Социалистических Республик, переставший существовать к 31 декабря 1991 года, и Социалистическая Федеративная Республика Югославия, от которой после 10-дневной войны весной-осенью 1991 года отделились Словения, в том же году без кровопролития – Македония и, наконец, в результате Хорватской войны (1995 г.) Хорватия, а по итогам Боснийской войны (1995 г.) и Босния. К 31 декабря 1991 года завершилась и 73-летняя история Чехословакии, мирным путём разделённой на два государства.

Но прежде всего не стало государства, сыгравшего важную роль при подписании на Конференции 1975 года в Хельсинках заключительного акта, в основу которого лёг проект Советского Союза и стран Варшавского договора. Фотографии с конференции облетели весь мир: председатель Госсовета ГДР Эрих Хонеккер, в соответствии с французским дипломатическим протоколом, сидел между федеральным канцлером Гельмутом Шмидтом и президентом США Джеральдом Фордом. Наряду с Московским договором между Советским Союзом и ФРГ (1970 г.) и Основополагающим договором между ГДР и ФРГ (1972 г.) конференция 1975 г. была ещё одним – последним – шагом, после которого ГДР окончательно вошла в мировую политику как уважаемый и равноправный член содружества народов. В Париже история ГДР завершилась. Следует отметить, что вместе с тем СБСЕ перестал играть роль миротворческого элемента в разорванной противостоянием блоков, находящейся под угрозой Европе. Собственно, в Париже вопрос объединения Германии можно было бы и обсудить. Но об этом давно договорились между собой две сверхдержавы из тех, что победили в 1945 году, и ФРГ, выступавшая в качестве единственного представителя немецких интересов. Германская Демократическая Республика больше не была активным игроком, не могла сделать свободный выбор за или против объединения. Первым государством, которому было суждено покинуть европейскую арену, стала именно она.

В минуты слабости Михаил Горбачёв, человек, уничтоживший Советский Союз и Восточный блок, возможно, предчувствовал, что при определённых обстоятельствах планируемые им реформы могут потерпеть неудачу. Несколькими днями ранее, 9 ноября, говоря о подписании Договора о добрососедстве, партнёрстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ, советский лидер заявил: «В прошлом часто бывало так: подводили итоги, подписывали договоры, давали обещания и выражали надежду на то, что наступят лучшие времена [...] Но вскоре всё вновь тонуло в рутине повседневности, а в худшем случае вновь зарождались недоверие и враждебность. Всё говорит о том, что в этот раз будет по-другому. Наши двухсторонние отношения теперь действительно принимают другой характер, но прежде всего – и это принципиально важно – они вплетены в контекст процесса европейского единения, в котором советско-немецкий фактор может сыграть свою большую, но относительно всего остального равную роль. Сегодня объединение Германии основывается на прочном фундаменте доброй воли и обоюдного согласия»⁵⁴. Горбачёв клялся, что процесс реформирования Советского Союза, на тот момент уже очевидно неудавшийся, идёт успешно. Близился хаос, а сторона заинтересованная рассуждала о том, что спасти ситуацию можно лишь путём отказа от социалистических принципов. Затем он упрямо добавил: «Но от Вас мы ожидаем мужества, перспективного мышления, великодушия и здоровой готовности к риску. При этом Вам, прежде всего, не следует забывать, что Вы имеете дело со страной, не обделённой Богом в том, что касается её человеческого и духовного потенциала, её культуры, её масштабов и природных богатств»⁵⁵

⁵³ Парижская хартия для новой Европы. Вышеуказанный источник., С. 1414.

⁵⁴ Michail S. Gorbatschow: Gipfelgespräche. Geheime Protokolle aus meiner Amtszeit. Berlin 1993, С. 268.

⁵⁵ Там же, С. 269.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.